

П. МАРИКОВСКИЙ
ЛУНКА
серебристая

П. И. МАРИКОВСКИЙ

ЛУНКА СЕРЕБРИСТАЯ

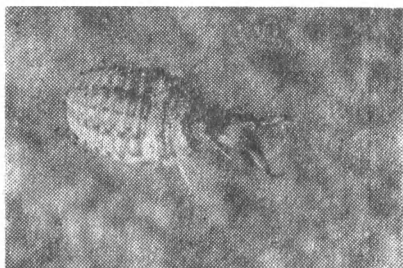

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ», АЛМА-АТА, 1967

Желтая пыльная земля, покрытая высохшими растениями, горячий ветер и ослепительное солнце на синем небе. А вдали, на горизонте, темной полоской горы со снежными вершинами. Несколько часов пути к ним, и исчезла пустыня, появились украшенные цветами роскошные горные степи. Еще дальше — прохлада, стройные темные ели, бурные голубые речки. Еще выше — и вновь голая земля, но холодная, прикрытая низкой зеленой травкой — настоящая северная тундра. А над нею острые камни и сверкающие белизной снега и ледник. Таково Семиречье — край удивительных контрастов и необозримых просторов. Разнообразен и многолик мир животных, населяющих его.

В книжке рассказывается о путешествиях по горам, степям и пустыням Семиречья, о работе натуралиста, об интересных встречах с насекомыми и загадках их жизни.

Сто ударов в минуту

Ровная, как стол, желтая голая пустыня. Весна. Но в этом году еще не было дождя, земля суха, все замерло. Справа — серые горы Богуты, слева — далеко в глубоком каньоне, в чудесной зеленой оправе, река Чарын. Но как к ней спуститься с высокого обрыва?

Сегодня жаркий день и горизонт колыхается в миражах. Старая знакомая картина... У нас кончилась вода, мы соскучились по тени и прохладе, нам во что бы то ни стало надо съехать к реке.

Едва заметный поворот с дороги по каменистой пустыне, очень крутой и неровный спуск — и мы, наконец, в зарослях тополей, ясеня, лоха и тамариска. Бурлит река, поют соловьи, покрикивают фазаны. Здесь другой мир, мы будто переехали на новую квартиру и с радостью устраиваемся на бивак. А рядом, на голой глинистой площадке, рыскают в поисках добычи муравьи.

У старого пня тополя в ловушках-воронках расположились личинки муравьиного льва. Некоторые из них заняты: мощными рывками головы, похожей на лопату, выбрасывают кверху струйки земли. Какие они деятельные, эти личинки! Я раскрываю походный стульчик и осторожно усаживаюсь рядом с западной хищника. Но ничтожное сотрясение почвы — и работа прекращена. Личинка очень чутка, зарылась в землю, притаилась. Долго мне ждать, когда она осмелеет.

Муравьи отлично знают ловушку своего недруга и минуют ее стороной. Я подгоняю травинкой к воронке одного, другого, но муравьи увертываются. Они слишком хорошо знакомы с хищником. Тогда я хватаю муравья пинцетом за ногу и бросаю в воронку. А ну-ка, хищник, прекрати притворство! И хищник пробуждается. Молниеносные броски

песчинок, быстрые подкопы под самой жертвой, и она скачивается вниз. Из песка высовываются длинные кривые, как сабли, челюсти и схватывают добычу.

А дальше?

Дальше происходит необычное. Муравьиный лев не тащит, как все, добычу под землю. У него совсем другой прием. Ухватив муравья за брюшко, он бьет его о стенки ловушки, и так быстро, что глаза едва успевают заметить резкие взмахи. Удары следуют один за другим. Видимо, слишком привычны броски головой и отлично развита мускулатура головы-лопатки. Я считаю: сто двадцать ударов в минуту. Избитый муравей прекращает сопротивление. Он умирает и, как это печально, слабеющими движениями последний раз чистит передними ногами свои запыленные усики. Вот он совсем замер. И только тогда коварный хищник прячет свою добычу под землю. Сейчас же он там с аппетитом принимается за еду.

Не подбросить ли хищнику еще муравья? Оказывается, он не так уж глуп, чтобы, даже будучи занятым, упустить случай поживиться. Вновь нападение, еще сотня ударов — и новый труп зарыт в землю. Третьего муравья постигает та же доля. Только четвертый муравей избегает печальной участи. Ловушка обрушилась, и выбраться из нее теперь не трудно. Тогда я оставляю в покое хищника, а он выталкивает спрятанного муравья наружу и высасывает сперва брюшко, потом вонзает кривые челюсти в грудь, а через несколько минут прокалывает ими голову. Муравей съеден, и его оболочка брошена. Обжора принимается за другого муравья. Теперь он надолго насытится.

На такыре

Такыр небольшой, но самый настоящий, твердый, как асфальт, белый как снег. Вчера вечером при луне, когда я шел мимо него на бивак, он сиял, будто озерко среди пустыни, поросшей темными тамарисками. По нему скользили неслышными тенями зайцы. Что-то их много сюда собралось. Быть может, гладкий такыр они полюбили за простор, за то, что на нем далеко вокруг видно и трудно подобраться незаметно врагу?

Сегодня бы утром побывать на такыре.

Ночью прошел легкий дождик, ровная глинистая поверхность слегка обмякла, на ней хорошо видны заячьи следы и еще отпечатки копытца четырех косуль. Им тоже, наверное, было приятно на такыре.

Зачем же меня потянуло на такыр, что я тут увижу на голой земле? Здесь нет никого. Но разве найдется уголок земли, даже самый бесплодный, где бы не водились насекомые?

Вот такыр перерезает поперек будто протянутая по струнке процессия черных муравьев-жнецов. Носятся как скаженные муравьи-бегунки. Из пустыни забегает то хрущик, то жужелица, то чернотелка. Если приглядеться поближе, видны крошечные колемболы, мельчайшие жуки-стафилиды, совсем маленькие, как точка на белой бумаге, клещики. Кто сказал, что такыр необитаем? Он полон живых существ. Быть может, еще потому на нем жизнь бьет ключом, что сегодня утром солнце закрыто облаками, очень далеко у горизонта тянутся полосы дождя и пустыня тиха, не пышет зноем.

На светлом такыре еще видны крошечные холмики темной земли. Кто же здесь вздумал поселиться? Пожалуй, есть смысл заняться разгадкой секрета холмиков, посидеть возле них.

Холмики совсем свежие, наверное, земля выброшена рано утром. Почему строители все сразу вздумали рыться, где следы старой работы?

Влажная земля быстро сохнет, несмотря на пасмурный день. Комочки земли скатываются вниз, шевелятся, и холмик, будто живой, трепещет. Налетает легкий ветерок и уносит сухие серые пылинки. Когда проглянет солнце, сухая земля развеется в стороны и не останется никаких следов работы подземных жителей.

Но вот один холмик шевелится по-настоящему. В самом его центре кто-то не спеша выталкивает наружу землю. Она поднялась шишечкой и рассыпалась в стороны. В крохотном отверстии сперва мелькнуло черное, потом будто желтое и исчезло. Лишь бы еще раз появился комочек, тогда я подрежу его снизу лопаткой, поймаю незнакомца. Очень интересно, кто он такой?

В это время из зарослей полыни и засохших злаков выскакивает большой бегунок, обегает меня со всех сторон, останавливается, крутит головой, склоняет ее слегка на-

бок — явно меня рассматривает. Но не до него! Зашевелился бугорок. Быстрый взмах лопаткой—кучка земли отброшена в сторону. Кто-то в ней барахтается, совсем черный, с желтыми полосками. Я тянусь за пинцетом. Но в это мгновение быстрый, как молния, бегунок выхватывает из кучки земли незнакомца и мчится к зарослям трав. Я бегу за ним, на ходу роняя сумку, сачок, походный стульчик, лупу. Но напрасно. На пути чеколак—бугор, густо заросший тамариском. Впервые в своей жизни я так нелепо обманут муравьем. Но не обижаюсь. До чего он ловок, этот бегунок!

«Не беда,— успокаиваю я себя.— Бегунок заработал добычу отвагой. К тому же я, кажется, ее покалечил лопаткой».

И принимаюсь караулить второй холмик. Там уже видна норка, и из ее глубины кто-то поглядывает на меня черными глазками. Опять рывок лопаткой, бросок земли. Из комочков выбирается маленькая стройная черная оса-сфекс с большой головой, ярко-желтыми усиками и ногами. Она растеряна, происшедшее ее обескуражило, не спеша заползает на комочек земли, пока я нацеливаюсь на нее пинцетом. Но неожиданно налетает ветер, и она, сверкнув угольком на светлом такыре, быстро уносится в сторону.

Что за невезение!

Тогда я удваиваю осторожность и вскоре — обладатель нескольких ос. Их можно набрать хоть десяток, да жаль маленьких тружениц.

Теперь очередь за норками. Осторожно я раскапываю их и всюду вижу в общем один план строения. Ход опускается слегка наклонно на глубину около десяти сантиметров, и тут от него в разные стороны отходят ответвления с ячейками. Они почти все закрыты, в них мешанина из обломков надкрылий, голов и ног мелких жуков-слоников. Это пища деток.

Строгого постоянства в выборе добычи нет, но больше всего слоников серых, маленьких, едва больше миллиметра. Для того, чтобы вскормить одну детку, осе приходится добывать не менее сотни или даже более жуков. Сколько же воздушных рейсов проделала с такыра в пустыню каждая заботливая мать!

И ради кого?

Только в редких ячейках уцелели личинки. Они оплели себя рыхлой паутиной с комочками земли. Мера непло-

хая. Если будет ливень, такыр затопит, в паутинном домике останется достаточно воздуха, пока солнце высушит почву. В остальных же ячейках лежат куколки коварных мух. Так вот почему возле норок крутятся серенькие мушки-тахины! Они ждут, пока отлучатся хозяйки гнезд, чтобы забраться туда и отложить яичко в готовую ячейку с пищей.

Но мушки сегодня терпят неудачу. Хозяйки сидят в норках, не желают их покидать. Небо пасмурное, дует прохладный ветер. Мне тоже, как и мушкам, не везет. Как увидеть охоту ос, если они домоседничают? И откуда взялись в июле, в разгар жаркого времени года, тучи? Но я напрасно сетую на погоду. Тучи неожиданно уходят в сторону, над такыром начинает сиять ослепительное солнце, и сразу же возле норок зареяли две черные осы — сфексы. Откуда они взялись? Никто из нор еще не выбирался.

Сфексы оживленно носятся, будто разыскивают потерянные жилища. У них никуда негодное зрение. Они не отличают темных кучек выброшенной земли от поверхности такыра, слегка взъерошенной подошвами моих ботинок. Лишь бы была рыхлая кучка! Вот один стал кружиться над норкой, головой ко входу, брюшком в разные стороны.

Из норки показалась голова осы, скрылась и вытолкнула кучечку земли. Закупорилась: убирайся вон!

Из второй, третьей — тоже гонят бездомную бродягу. Зато в четвертой норке темная голова опускается вниз, открывает вход, и оса скрывается в чужом жилище. Какое необычное для сфексов гостеприимство!

Оса не пробыла долго в норе. Вскоре выскочила, скрылась, вновь появилась. Теперь я вижу, что она что-то несет, плотно прижав к груди. Придется выкопать норку.

Среди комьев земли я нахожу двух ос. Одна еще не расталась со своей добычей — слоником. Неужели обе осы живут в одной норе? Одна сторожит ее от непрошенных гостей, другая носит добычу. Или обе заняты и тем и другим по очереди? Ведь это так замечательно! Вот и зарождение общественной жизни и разделение труда.

Теперь много работы: наблюдать, убеждаться, рассеивать сомнения. Но что творится с глазами? От яркого такыра я слепну все сильнее и сильнее, не могу смотреть на него. Совсем больно глазам, ничего не вижу. Пропала охота за тайнами маленьких сфексов. Поделом. Теперь буду знать: нельзя ходить на такыр без темных очков.

Поющая пещера

Я долго шел по извилистому ущелью, одному из самых больших в горах Богуты. Вокруг — громады черных скал, дикая, без следов человека, местность, редкие кустики таволги, караганы и эфедры. Ущелье становилось все уже, подъем все круче. Тишина. Все замерло. Иногда сюда залетал ветер, шумел в тростниках и затихал.

Ущелье без воды и без трав, зря я теряю время на его обследование, нечего здесь делать, лучше возвратиться к биваку. Но за поворотом я вижу пещеру. Она небольшая, не более десяти метров, слегка поднимается кверху. После яркого солнца в ней темно. Осторожно я поднимаюсь по острым камням. Неожиданно пещера запела, в ней раздался тонкий нежный звон, потом будто кто-то бросил мне в лицо горсть песка.

Пока глаза привыкают к темноте, я ничего не могу понять. Но вот различаю массу насекомых. При моем появлении они, такие чуткие, всполошились, поднялись в воздух и теперь носятся без толку из стороны в сторону. Я взмахиваю сачком и выбираюсь обратно на солнце.

На дне сачка кто-то копошится. Это нежные комарики с длинными ветвистыми усиками, «комарики-звонцы», как их называют в народе. Это они встретили меня звоном крыльев. Но звонцы не могут жить без воды, их личинки развиваются в реках и озерах. И как они, такие нежные и хрупкие, могли оказаться в этой голой каменной пещере, когда вокруг не менее чем на тридцать километров нет ни капли влаги?

Наверное, ветер занес рой комариков в это ущелье, и вот они, бедные, спасаясь от гибели, нашли себе здесь временное пристанище, в котором не так жжет солнце и не столь губительна сухость воздуха пустыни.

Ревень Максимовича

Как только под лучами теплого весеннего солнца начинает зеленеть пустыня, на поверхности земли неожиданно появляются громадные распластанные в стороны круглые листья. Они так плотно прижимаются к земле, что поры-

вистый, а порою и свирепый весенний ветер не в силах их поднять и потревожить. Зачем ревеню такие широкие листья? Другое дело, они нужны какому-нибудь жителю темного леса, где не хватает света и ловить его приходится с трудом, большой поверхностью. В пустыне же так много солнца и так велика сухость воздуха, что многие растения вовсе потеряли листья, чтобы не испарять влагу.

Летят дни. Пустыня хорошеет с каждым днем. Загораются красные маки, голубеют незабудки, воздух звенит от жаворонков, а на синем небе такое щедрое теплое солнце. Листья ревеня еще больше увеличиваются, кое-где посредине вздуваются буграми, но по краю по-прежнему прижаты плотно к земле. Вскоре из центра розетки листьев выходит красный столбик, он быстро ветвится, и через два-три дня на нем пылают мелкие душистые цветы, и тучи насекомых несутся за нектаром и пылью. Кого только не приманивает цветущий ремень!

Но если дождей мало, а почва суха, ремень не цветет. А листья для чего? Они доставляют питательные вещества в спрятанный глубоко в почве мясистый крупный корень.

Еще несколько теплых дней. Маки начинают ронять потемневшие лепестки на светлую почву пустыни, отцветает ремень, и на нем повисают бордово-коричневые семена. В это время из его полых стеблей раздается шорох. Он усиливается с каждым часом. Потом кое-где появляются темные отверстия, и через них выглядывают блестящие головки гусениц. Наступает ночь. Гусеницы расширяют окошки своей темницы, падают на землю и зарываются. Там они окуклятся и замрут до будущей весны. Когда же вновь зацветет ремень, из куколок выйдут бабочки и отложат яички на ремень. Но вот интересно! Гусенички появятся на ремне, только когда на растении созреют семена и повреждение стебля не будет иметь значения для растения. Зачем губить хозяина, от которого зависит собственное благополучие!

В дырочки, проделанные гусеницами, вскоре забираются муравьи-тапиномы и саксаульные муравьи. Они что-то там находят внутри съедобное, что-то добывают для себя в этой влаге, пронизанной коричневым пушком.

Но вот наступил жаркий день, большие зеленые листья, хотя и мало жили, но много «поработали» и теперь стали легкими, как газетная бумага, и покоробились. Подул ветер, и они все сразу заколыхались, зашуршали, приподнялись,

покатились по пустыне. Налетел смерч, поднял их в воздух, закружил и помчал все дальше и выше.

В это время муравьи наперебой бросаются на слегка обнаженный корень, на то место, куда были прикреплены черешки листьев, и жадно сосут влагу, выхватывают кусочки белой ткани. Для чего она им так нужна, что в ней такое?

Проходит еще два-три дня, обнаженный корень пересыхает, его засыпает пылью. Муравьям более нечего делать возле растения. Вскоре ломаются стебли, и ничего не остается от роскошного растения. Впрочем, как ничего? В жаркой почве пустыни дремлет мощный корень ревеня да кое-где в ложбинках застряли семена. Они ждут новой весны и новой короткой бурной жизни. Вместе с ними все долгое жаркое лето, осень и зиму ждут весну и муравьи, почитатели его корней, и бабочка, дремлющая куколкой. И обязательно дождутся!

Потайной ход

Весна в разгаре, цветут маки, от ревеня остались только большие сухие листья, у жаворонков появились птенцы, а многие гнезда пепельноводосого жнеца все еще не открылись. Неужели они еще дремлют в прохладных влажных камерах и нет им никакого дела до того, что в пустыне жизнь бьет ключом? А может быть, какая-нибудь страшная болезнь пробралась в подземелье и покосила всех до единого? Да и на тех гнездах, где муравьи проснулись, течет вялая жизнь. Муравьям нечего делать, пустыня еще не дала урожая трав, но семена вот-вот появятся.

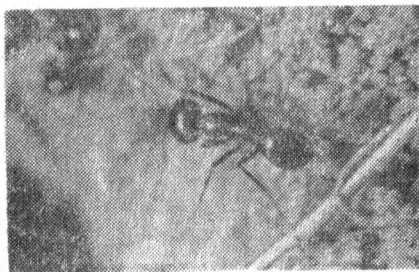
Аккуратные и большие холмики муравьев-жнецов, как миниатюрные степные курганы. В центре курганчика, где должен быть главный ход, кучка мелких камешков. Это своеобразная дверь на долгую зиму. У непробудившихся муравьев она все еще закрыта. На светлой лессовой почве саксаулового леса курганчики хорошо видны издали. Сложены они здесь в урочище Чингильсу из мелких ярко-красных камешков. Их муравьи вытащили из глубины, проделавая в земле ходы к грунтовой воде.

Очень интересно, как муравьи спящих муравейников угадывают, когда пора выходить наружу и приниматься за сбор урожая. Ведь весны бывают разные.

Я присаживаюсь у муравейника и слежу за ним. Нигде нет никаких признаков жизни.

А что, если раскопать курганчик? В поверхностных камерах, оказывается, кое-кто есть. Но все остальные забрались глубоко, до них несколько метров, не докопаешься.

Но вот у второго спящего муравейника виден сбоку крошечный потайной ход, и из него только что выполз разведчик. Он, наверное, и следит за погодой, за осадками, за урожаем. И когда нужно, подаст сигнал. Потом такие же потайные хода я нахожу и у других спящих муравейников. Все они проделаны из поверхностных камер, в которых обычно прогревают личинок. Главный же ход не тронут. Зачем прежде времени открывать парадную дверь?

Обследователи

К гнезду жнецов тянется торная тропа, и по ней едва ли не сомкнутым строем бегут размеренным шагом муравьи с урожаем. А урожай необычный. Муравьи разыскивают на земле семена кустарника Анабазиса безлистного, растения, из которого готовится яд анабазин против насекомых-вредителей. Осенью муравьи не обращали внимания на эти семена. Они были ядовитыми. Теперь же весной, после того, как урожай пролежал на земле долгое время под дождем, ветром и солнцем, ядовитое вещество исчезло. Тоже искусство знать, когда плоды пустыни безопасны и пригодны в пищу!

Сегодня дует весенний ветер, прохладно, насекомых нет, и я рад случаю посидеть возле трудолюбивых земледельцев.

У гнезда валяется несколько погибших стариков-жнецов и убитых муравьев-чужаков, забредших сюда из другого гнезда. Один чужак только что схвачен. На него сзади прыгнул большеголовый солдат, ухватил за талию и ритмическими покачиваниями силится перепилить ее острыми зубчиками челюстей. Несчастный пришелец не в силах защитить свою жизнь и терпеливо ожидает печальной участи.

Из входа в гнездо выскакивает рабочий. Он несет в челюстях большеголового солдата, неторопливо отползает в сторону и кладет ношу на землю. Большеголовый несколько секунд неподвижен, потом чистит усы и бодро движется в том направлении, в котором его отнесли. Вскоре он скрывается среди зарослей колючей травы.

Проходит несколько минут, вновь появляется носильщик с солдатом, и та же картина повторяется. Только направление другое. Надо следить за большеголовым солдатом. Не зря его вынесли наружу. Тут что-то есть. И я не упускаю из вида солдата, освобожденного из челюстей своего командира, и пытаюсь узнать, чем он намерен заняться.

Солдат оказался энергичным, опытным, бывалым, без лапки на правой средней ноге, потерянной в сражениях с противниками. Он быстро помчался строго в одном направлении, в котором его отнесли от гнезда, и двадцать метров преодолел менее чем за полчаса. А потом?

Потом он долго крутился, заползал в норки, заглядывал под камешки и кого-то там настойчиво разыскивал. Но кого? Ведь семена — добыча жнецов на растениях. Один раз он столкнулся со сцепившимися жнецами. Пощупал усиками и помчался дальше. Нет, его не интересуют дуэлянты. У него какое-то другое задание.

Надо обладать большим терпением, чтобы следить за муравьем. Прошло три часа, пока, наконец, солдат повернул к гнезду, решительно направился к его входу и исчез в подземелье.

Куда и зачем посылали жнеца-солдата? Что он искал? Как ответить на эти вопросы?

Сейчас пришло время молодым самкам жнецов делать новые гнезда. Зачавшиеся муравейники могут стать опасными конкурентами, особенно когда в пустыне мал урожай. Уж не потому ли ходил солдат на разведку, чтобы вовремя изгнать поселенцев? Но это только одни предположения.

Компасное чувство

По дну ущелья Тайгак, среди диких угрюмых скал, тянется чудесная зеленая долинка. Извилистой змейкой ее разрезает темно-зеленая полоска кустарников, скрывающая быстрый горный ручеек. Ущелье безлюдно, все его обитатели не пуганы, живут по-своему, по особым, нам не известным законам. А сколько здесь насекомых! Всю жизнь можно ходить по узкой долинке среди диких скал, смотреть и разгадывать тайны маленьких существ.

Сегодня мы заглянули в ущелье отдохнуть от жары и пополнить запасы воды. Едва выйдя из машины, я сразу же заметил на кустике терескена небольшое гнездо черных ос. Увидев меня, осы вздрогнули крыльями, насторожили усики, энергично стали сокращать брюшко, и кое-кто угрожающе взмыл в воздух. Шутки со смелыми и самоотверженными защитниками своего дома плохи, и чтобы избежать неприятностей, пришлось отвести подальше машину.

Мне захотелось сфотографировать гнездо. Но осы не подпускали близко, взмывали в воздух, а я, посрамленный, удирал со всех сил.

Нет, лучше к гнезду не подходить, пока не успокоятся его хозяева, и побродить по долинке в надежде на встречи с другими насекомыми.

Вскоре я забыл про ос. Внимание отвлекли скопления ракушек погибших улиток. Они встречались большими группами с западной стороны кустиков и напоминали настоящие кладбища, хорошо заметными издали ярко-белыми пятнами. Что побуждало улиток собираться перед смертью вместе? Вот бы разгадать эту маленькую тайну!

Но осы напомнили о себе. Что-то мне везет сегодня на встречу с ними или, быть может, их много в этом ущелье? Одно за другим я нашел пять гнезд, и вот странность: все они, как по заранее принятому строительному плану, располагались тыльной стороной на запад, а ячейками на восток. У всех гнезд одно правило не может быть случайным, и я задумываюсь, какой в этом заложен смысл.

Осы-защитницы всегда стерегут гнездо на ячейках, а тыльная поверхность пустует, или на ней сидят, когда спереди все места заняты. Рано утром в ущелье прохладно, осы коченеют, немые, глухие, беспомощные. Первые лучи восходя-

щего солнца быстро согревают и приводят в чувство бдительных собственниц. Разве в этом не резон!

Наступает день. Южное солнце нещадно льет на землю жаркие лучи. Гнездо в это время направлено к нему узким краем, боком и не сильно нагревается. И в этом оправдывается расчет!

А к вечеру не бывает холодно. К тому же заходящее солнце слегка согревает тыльную поверхность гнезда.

И еще есть одно преимущество. По ущелью, тянущемуся с севера на юг, днем дуют ветры снизу вверх, ночью же сверху вниз. Иногда ветер разыгрывается не на шутку. Эти бризы меньше раскачивают гнездо, находящееся к ним боком. Обстоятельство неплохое, особенно в мелких кустиках, для хрупкого, сложенного из осиной бумаги гнезда.

Вот сколько достоинств! И осы издавна, руководствуясь компасным чувством, строят гнезда фасадом на восток, тылом — на запад. Конечно, не везде так себя ведут осы, и все здесь рассказанное присуще, наверное, тайгакским осам. Кто знает, вероятно, наши отгадки не открывают все сложное, заложенное в таком простом и маленьком факте.

Прежде чем покинуть Тайгак, я решаю еще раз сфотографировать первое гнездо. Оно само открытое, красивое и удобное для съемки. Осторожно, очень медленно протягиваю вперед фотоаппарат, едва дыша, устраиваюсь рядом. Каждое движение отнимает уйму времени. Осы насторожены, вздрагивают. Но на этот раз благосклонно позируют, и мы расстаемся без всяких конфликтов.

Заблуждение

Алексей — егерь Карачингильского кордона — мне сочувствует:

— Тяжелая у вас работа. Целый день на солнце, в жару. Да такая мелочь, букашки, бяки всякие!

Я же рад своей профессии охотника за неразгаданными тайнами жизни насекомых. А жара и сухость в тягость только тому, кто не видит интересного.

Сегодня я ничего не встретил интересного и поэтому возвращался с поля усталый, изнывая от зноя, и рощица каратуранги с прохладным ручьем мне казалась райским

уголком. Вблизи кордона по дороге навстречу шел Алексей. Он таинственно улыбался и повернул со мной обратно. С минуту мы шли молча.

— Сейчас я вам покажу штуку,— сказал Алексей.— Поймал ее на столе. Ни на что не похожа. Ни паук, ни насекомое, ни мокруша. Все время лежит, мертвой притворяется, а иногда не стерпит, шевельнется. Ноги раскорякой, брюха нет, крылья торчком. Бяка какая-то!

Мне не до находки Алексея. За несколько дней жизни на кордоне он донял любопытством. Все время тащит насекомых, спрашивает:

— Какая штука на голове? Усы. И такие дивные!

— А что за иголочка сзади? Яйцеклад. И такой длинный!

— И у этой мелюзги есть сердце! — удивляется он.— И печень, и нервы, и почки?

Наверное, и сейчас что-нибудь тоже поймал обыкновенное. Я же устал, хочу пить, но покорно иду смотреть.

Алексей осторожно берет кусок газетной бумаги и медленно-медленно разворачивает его. Я всматриваюсь в небольшой комочек и не могу понять и поверить своим глазам. Мелькает мысль, что передо мной что-то совершенно необыкновенное, новое, очень интересное. Действительно, ни паук, ни насекомое, ни мокрица. Ноги раскорякой, брюшка нет, и крылья торчком.

В доме сумрак, плохо видно. Алексей раскрывает занавески, распахивает маленькое окно. В комнату врывается жаркий воздух.

Я вынимаю лупу. Сейчас все выяснится. Но бумажка пуста. Бяка неожиданно исчезла, улетела, обманула нас. Я горюю.

Досадно потерять неизвестное насекомое. От этого оно кажется еще более необычным. Может быть, где-нибудь притаилось на полу?

Мы ползаем по комнате, сталкиваемся друг с другом.

— Нашел! — радостно кричит Алексей.— Опять притворилось мертвым.

Теперь я осторожен и медленно подношу к незнакомцу мокрый палец. Прилип, копошится, болтает одной ногой. Быстрее за лупу. А под ней...

Как велика сила воображения! Под лупой я вижу самую обыкновенную шкурку слинявшего паука. Вот на ней восемь

больших выразительных глаз, щипчики с ядоносными крючками, корезистые ноги, покрытые шипиками и щетинками, скомканный комочек оболочки брюшка и панцирь груди, раздвоенный трещинкой на две части и похожий на крылья. Шкурка нежна, легка, легче перышка, и колышется от моего дыхания.

— Вот так бяка! — разочарованно говорит Алексей. — А я думал...

Паучок-строитель

Я сижу в тени большого лоха на вьючном ящике и пишу отчет о работе.

Тугай изнывают от зноя, а солнце такое яркое, что слепит глаза. Вокруг кипит разноликая жизнь, она везде, всюду и пульсирует быстро, неумно, как сердце после усиленного бега.

Вот рядом со мною на широком листе невысокого тростничка примостился небольшой светлый в мелких пятнышках и полосках паучок-тенетник. Он бегаёт взад и вперед, волнуется, что-то затеял или потерял и никак найти не может. Но вот закрутился на одном месте. Взбалмошный какой-то или больной? Зачем так попусту тратить силы?

Но я неправ. Каждое движение паучка рассчитано. Он занят делом, и на листике постепенно появляется белое прозрачное пятнышко, тончайший шелковый платочек из нежнейшей паутиной ткани.

У паучка же важное дело. Из брюшка появляется желтоватая капелька и быстро растёт. Через лупу видно, что в ней плавают крохотные идеально круглые прозрачные шарики-яйца.

Я все поглядывал на паука краешком глаза, но когда различил яички, не смог писать, отложил в сторону работу и смотрю, что будет дальше.

Паук торопится, не отдыхает. Теперь он набрасывает над желтой каплей широкие петли рыхлой паутиной ткани. Потом они становятся все гуще и гуще, плотнее, в то время как жидкость высыхает и осаждаётся мельчайшим порошком на яичках.

Кажется, упорная работа заботливой матери закончена. Теперь яички тщательно упакованы, обложены рыхлым войлоком, прикрыты плотной тканью. Паучок замирает на месте, чистит ноги, облизывает коротенькие придатки — педипальпы. Ему пора отдыхать, а мне приниматься за дело.

Но через полчаса он снова беснуется над своим детищем, затеял еще что-то, протягивает нити над коконом, прикрепляя их к краям листика. Они прямые и натянуты, как струны на арфе, и, наверное, из-за этого листик слегка вогнулся. Нитей же все больше и больше, а листик постепенно сдается, складывается вдоль, почти совсем сомкнулся краями, образовав уютную каморку над коконом. Не беда, что нижние нити провисли. Они выполнили свое назначение, и паук убирает их.

Кончил, наконец, паук трудиться, отдыхает. Теперь-то уж, наверное, не будет меня отвлекать!

Но я ошибся. Неумный строитель, такой быстрый и юркий, принялся за другую работу — начал сворачивать самый кончик листа. Вскоре из него получается небольшая трубочка, в нее и забирается хозяин жилища и, наверное, надолго. Здесь он будет сторожить детище, а сейчас, утомленный, спит.

Я трюгаю карандашом оплетенный кончик листа — из него стремглав выскакивает паук, падает на землю и отбегает в сторону.

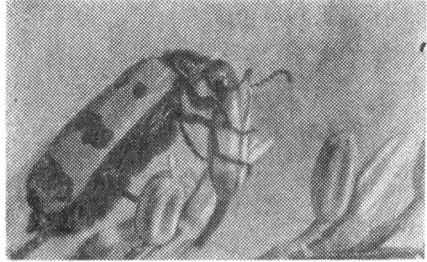
«Зачем было попусту беспокоить труженика? — досаду я на себя. — Как он теперь обратно найдет путь в свое жилище?»

Но тревога напрасна. Ветер шевелит травами, от них скользят по земле тени, и видно, как к тому месту, куда скрылся паук, тянется, сверкая, паутинная нить.

Испуг маленькой матери недолог. Она мчится обратно, ловко взбирается по паутинке, быстро, на ходу, свертывает ее в клубочек (зачем оставлять после себя следы?), а потом, добравшись до листика-домика, его съедает.

Не пропадать же добру попусту!

Жара еще сильнее, солнце еще ярче, и тень от лоха, в которую я спрятался, кажется, чернеет больше. Немного досадно, что паук отнял столько времени. Но я успокаиваю себя: все же между делом удалось подглядеть за ним и открыть маленький секрет его жизни.

Обманщики

Пыльная, белая, бесконечная дорога, жаркое солнце, высокие сухие травы. В ритм шагам поскрипывает полевая сумка, звякает морилка о лопатку. И так давно, этот ритм шагов.

Иногда по дороге пробегает черная оса-помпилла с убитым пауком, мечутся муравьи-бегунки. По дорожной пыли всюду следы: гладкая извилистая полоска — проползла змея; короткие закорючки и посредине тонкая линия — пробежала ящерица; странные, собранные в кучки запятыя, все в разные стороны — ковыляла жаба; мелкий узор из нежных штрихов и полосок — прополз какой-то жук. А вот на самой середине дороги сидит неподвижно большой серый слоник с длинным хоботком.

Жив ли он? Я поднимаю жука, рассматриваю в лупу. На него это не производит никакого впечатления. Он все также недвижим, но его конечности гибки, в ногах чувствуется сила, усики едва-едва трепещут.

И снова ритм шагов и поскрипывание полевой сумки. Теперь по пыльной дороге нас двое — я и слоник.

— Да перестань притворяться! — говорю я своему пленнику.

Подбрасываю его в воздух, поглаживаю по спинке, расправляю цепкие ноги. Но слоник по-прежнему ко всему равнодушен, его черные глаза невыразительно и тупо смотрят на окружающий мир.

По самой середине дороги копошатся муравьи-жнецы, выскакивают наружу и, покрутившись, заползают обратно. Еще недавно было пасмурно, прохладно, жнецы работали, а вот сейчас печет солнце, и кто выполз наверх, спешит обратно в прохладное помещение. Муравьи, такие опытные сигнализаторы, на этот раз не сумели сообщить всем, что

солнце вышло из-за тучи и опалило жаром землю. Или, быть может, это только одни неугомонные? Интересно бы посмотреть, сколько времени будет так продолжаться? Но путь еще далек, пора проститься со слоником и прибавить шагу. Я кладу его у входа в муравейник.

Жнецы мирные вегетарианцы и равнодушны к насекомым. До слоника нет никому никакого дела, но он зачуял муравьев. Куда делось притворство и сонливости! Затрепетали усики, вздрогнули лапки, зашевелились ноги, лихорадочно замахали в воздухе. Жук перевернулся и помчался во всю прыть прочь от мнимой опасности. Да так быстро, не уследить глазами.

Вот так обманщик!

В рюкзаке в котелке остатки пшенной каши. Не дать ли муравьям? Каша — отличное угощение. Скоро возле нее — масса жнецов. Для всех нашлась работа — тащить добычу домой. Будто поняв причину суматохи, наверх выползла приживалка муравьев, большая волосатая личинка жука-кожееда. Добралась до каши и впилась в нее челюстями. Видимо, не сладко ей жилось в голодающем муравейнике. Но как она поняла муравьиный язык и узнала, что наверху богатая добыча?

По ветру летят жуки-нарывники и часто садятся на меня. Жуки надоели. Я беру одного и бросаю на кучку муравьев. На этот раз жука сразу заметили, скопились возле него, стали щупать усиками, хватать за ноги челюстями. Жук испугался, скрючился, замер, притворился мертвым. Большеголовый солдат, старый и бывалый, стукнул его челюстями и резко отпрянул в сторону; снова приблизился к жуку и опять повторил то же, продемонстрировал перед всеми отвлечение к нарывнику. Это был своеобразный сигнал, который можно было перевести на человеческий язык словами: «К еде не годен!»

С таким сигналом у жнецов я познакомился впервые. Муравьи-древоточцы заскакивают на несъедобное насекомое и с него спрыгивают. Если пример не понят, сигнализирующий муравей оттаскивает товарищей от негодной добычи. Почти так же поступает рыжий лесной муравей. Жест муравья-жнеца менее показателен: ему приходится иметь дело с зернами.

Так же поступили еще два жнеца. Наверное, их поняли, так как толпа муравьев рассеялась в стороны. Но наиболее

ретивые не угомонились, стали оттаскивать жука подалее от жилища. Нашелся еще запоздавший глупышка. Не разобрался, в чем дело, потянул жука за ногу в гнездо. Но где ему справиться: силы неравные.

Жук чувствует опасность: его терзают, куда-то волокут. Надо защищаться по-другому, раз не действует притворство. И выпустил из сочленений голеней с бедрами янтарно-желтые капельки ядовитой крови.

Жнец-солдат случайно притронулся челюстями к капельке, отскочил, затряс головой, стал отчаянно тереться о землю, чтобы снять следы противной жидкости.

К тому времени нарывника оттащили от гнезда и оставили в покое. Жук еще полежал некоторое время скрючившись, затем мгновенно вскочил на ноги, поднял красные с черными пятнами надкрылья, загудел и понесся по ветру подалее от опасности.

Муравей-бегунок и муравей-ползунок

Почти всюду в пустынях живет черный, стройный и очень быстрый муравей-бегунок. Когда жарко, глазами за ним не уследить: кратковременные остановки все время чередуются с молниеносными перебежками. Да какие перебежки! Кажется, что это вовсе не бег, а стремительные перелеты над самой землей. За быстроту бега муравья так и назвали.

А ему иначе и нельзя. Кругом большая голая пустыня, и сколько надо энергии, чтобы разыскать что-либо съестное. Бегунка ноги кормят. И не только кормят, но и от врагов спасают. В пустыне всюду, от кустика к кусту, скользят бесшумные ящерицы. Чуть зазевался — и отправляйся в желудок чешуйчатой прожоры.

Как-то ранней весной, путешествуя по реке Или на лодке, я увидел черный тугай. Здесь недавно прошел пожар, и от деревьев остались одни угрюмые черные стволы-скелеты. Пахло гарью. Птицы облетали этот страшный тугай, звери обходили стороной. Все живое отсюда навсегда исчезло. И только маленькая травка тянула к солнцу свои ярко-зеленые на черном фоне гари росточки. В этом тугае я и увидел муравьев-бегунков. Они бродили среди пепла, обгорев-

ших палочек в тщетных поисках добычи. Бродили зря, голодные, растерянные. Удивительнее всего было то, что муравьи не бегали, а ползали размеренным шагом. Что стало с бегунками?

Когда-то очень давно река в этом месте нанесла песчаную косу и отошла в сторону. На косе поселились жители пустыни, устроили свои муравейники в земле и бегунки. А потом на косу стал наступать тугай. Колючая джида, каратуранга, перевитые густым ломоносом, завладели ею, и бегунок оказался в глухом лесу. Он был слишком привязан к своему гнезду, чтобы переселиться в другое место, изменил поведение и приспособился жить среди травинок, палочек, стволов деревьев и всякого лесного хлама. Но метаться так быстро, как в пустыне, здесь уже было невозможно, и муравьи-бегунки стали обычными муравьями-ползунками.

Теперь на месте сгоревшего тугая снова будет пустыня, и пройдет много времени, прежде чем муравьи научатся молниеносным броскам и коротким остановкам — давнему искусству своих предков — жителей пустыни.

Потерянная нога

Возле муравейника, как всегда, царит оживление: масса маленьких тружеников сует во всех направлениях. Но главное направление — тропинка, ведущая в заросли чингиля, к зеленой полоске тугаев вокруг ручейка. По ней и бегут добытчики с различной снедью в челюстях. Но и возле муравейника охотники не плошуют.

Молоденькая кобылочка Пиргоморфа коника скакнула высоко и упала возле муравьиной кучи, в самую гущу ретиных разбойников. Спohватившись, еще раз прыгнула, зацепилась за узкий листочек. Но и там сидел муравей. Он не растерялся, не стал тратить времени и мгновенно схватил кобылку за заднюю ногу челюстями, уцепился за листик, потянул добычу изо всех сил и застыл от напряжения. В такой позе он будет хоть целую вечность, пока не подоспелт подмога.

Но развязка наступила неожиданно. Кобылка слегка накренилась набок, и... нога оторвалась и осталась в челюстях охотника.

А дальше все пошло по-мирному. Кобылка в несколько скачков унеслась от опасного места, а муравей-добытчик торжественно понес ногу в муравейник.

Лучше потерять ногу, да сохранить жизнь! Тем более, что когда придет время линять, вырастет новая нога.

Знакомый муравейник

Приезжая в Бартогой, я спешу проведать знакомый муравейник, муравья Формика нигриканс. Сперва иду по дороге, затем перехожу ручей, а потом стараюсь не сбиться с едва заметной тропинки. Лес все гуще, река шумит за лесом все громче, и когда в просвете между деревьями показываются красные скалы, тропинка выходит на маленькую, сверкающую под солнцем полянку с муравейником.

Весной этого года муравьи покинули свое старое жилище с очень неряшливой и разбросанной кучкой и переселились в основание куста барбариса. Новый муравейник выглядел отлично, палочки на нем были свежие, крупные, будто подобранные одна к другой, и сама кучка как новый дом с только что покрашенной крышей. Тогда на муравейнике царили оживление и счастливая деятельность.

Но сейчас... Что стало с муравейником за лето, каким он стал жалким! Кучка разворочена, палочки разбросаны в стороны, одиночные муравьи бесцельно бродят по верху. А песок возле муравейника весь истоптан следами фазанов. Так вот кто враг муравьев, вот почему маленькие жители леса переселились в основание колючего барбариса и, наконец, вот из-за чего в урочище Бартогой, как только установили егерский пост и стали охранять фазанов, один за другим исчезли муравейники! Теперь осенью фазаны особенно рьяно охотятся за муравьями. Они недурны как пища и хороши как лекарство против глистов.

Едва я присел возле разоренного муравейника, как с края полянки с криком взлетел большой петух-красавец, уселся на дерево и, поглядывая вниз, на спаниеля Зорьку, стал шумными криками выражать недовольство. Уж не он ли наследил на муравейнике?

Но едва я шевельнулся, как испуганная птица миглом сорвалась с дерева и стремительно понеслась прочь. С человеком шутить нельзя! Что может быть его опасней? Откуда было знать глупому фазану, что у меня за плечом всего лишь только фоторужье?

А Зорька носилась вокруг полянки в кустах и поднимала фазанов.

На шум примчалась сорока и стала молча по верху, от вершинки дерева к вершинке, летать за собакой. Так, по сороке да по фазанам я знал, где развлекается мой четвероногий спутник.

С сознанием выполненного долга, запыхавшаяся Зорька возвратилась на полянку и улеглась возле моих ног, а сорока с сухой вершины самого высокого дерева стала разглядывать меня, собаку и сидящих на деревьях фазанов. Потихоньку все фазаны подались в разные стороны.

Сороке стало скучно, и она тоже улетела.

Опустело вокруг полянки. Лишь по-прежнему вдали, за деревьями, шумела река, ветер посвистывал в ветвях, да на землю тихо падали листья и ложились золотыми пятнами на полянку и на разоренный муравейник.

Через год я вновь проведаль муравейник и обрадовался встрече со старыми друзьями, хотя отношение их ко мне было вовсе не таким, с которым полагается встречать гостей. Несколько разведчиков сразу же бросились в атаку и полезли на мои ноги. Но мне не до них. По конусу гнезда карабкался рослый рабочий. Он нес в челюстях ярко-оранжевый комочек.

Добыча привлекала внимание. Все ощупывали ее, гладили, каждому хотелось подольше к ней принюхаться, лучше познакомиться. Мне кажется, что гладили усиками и самого носильщика как почетного добытчика, и он, будто полный достоинства, не спеша шествовал по своей обители и вскоре исчез в одном из входов.

Оранжевый комочек меня заинтересовал. Я узнал в нем ягоду эфедры. Но чтобы муравью добраться до этого растения, надо было перелезть через густейшие заросли трав, кустарников, тростника, затем переползти по бурелому небольшую проточку и подняться на жаркий, сухой и скалистый склон красных гор. Только там и росла эфедра — растение, в котором находятся различные лекарственные вещества.

От муравейника до эфедры было не менее двухсот метров.

Нелегко был путь муравья, и, кто знает, сколько опасностей подстерегало отважного добытчика.

Может быть, я ошибся?

Тогда я пробираюсь через заросли к красным горам и, вспугнув несколько фазанов и прытких зайцев, исцарапанный, добираюсь до скал. Вот эфедра с красными ягодами, а вот и с оранжевыми. Еще десяток минут мучений в зарослях, и я кладу горстку ягод на муравейник. Мое приношение вызывает переполох. Толпы муравьев бросаются на ягоды, ощупывают их... и потащили в свои квартиры. Но только оранжевые. Красные остались без внимания.

Зачем муравью-хищнику ягоды эфедры, неужели он их ест или использует для особых целей? Как все это узнать?

Как бы там ни было, у муравейника меня никто не встретил с таким вниманием, как того носильщика, а наоборот, в дополнение к многочисленным царапинам я получил с десяток болезненных укусов от свирепых защитников.

Лунка серебристая

Какое красивое название — «Лунка серебристая». У небольшой ночной бабочки — Фалера буцефала — на серебристо-белых крыльях расположено желтое овальное пятно, и оно так оттенено, будто ямка, лунка.

В конце лета в городе Алма-Ате верхушки многих деревьев становятся голыми, и не от того, что растения роняют листья. Нет. Это работа больших прожорливых гусениц. Рано утром, когда город еще спит и царит тишина, чудится, будто идет редкий дождь и крупные капли, падая, щелкают о листья. Но это не дождь, а темные катышки испражнений гусениц лунки серебристой. Асфальтовые тротуары и дороги пестрят от темных катышков.

Приходит сентябрь. Вся многочисленная армада истребителей деревьев спускается с деревьев и ползет во все стороны в поисках укромных уголков. Тогда дворникам еще больше забот, так как асфальт весь испачкан, и все время под ногами прохожих раздаются пощелкивания раздавливаемых гусениц.

Вскоре гусеницы исчезают. Прячутся во всевозможные щелки, ямки, трещинки земли, под опавшие листья и, сбросив с себя мохнатую шубку, одеваются в коричневую броню куколок. Теперь лежать им всю осень и зиму до самой весны. А когда пробудится природа, из них вылетят серебристые бабочки с желтыми пятнышками на крыльях и отложат яички. Из яичек вскоре выйдут молодые гусенички. Весь этот ритм идет как бы по строгому расчету: крохотным гусеничкам нужна нежная пища — молодые листья, в изобилии украсившие деревья.

Учительница биологии 33 алма-атинской школы Таисия Иосифовна Потапова объявила поход за куколками лунки серебристой. Вооружившись банками и бутылками, школьники бродят по паркам, садам и аллеям города и разыскивают куколок. Способности у сборщиков разные: кто добыл за день не более десятка куколок, а кто собрал по нескольку сотен. Кому-то повезло. В ямке, прикрытой листьями, в городском парке он сразу нашел двести куколок. За весь поход школьники собрали больше тысячи куколок. И таких походов Таисия Иосифовна провела множество. Несколько лет подряд ученики пытаются отстоять деревья города от коварного врага.

Старые жители Алма-Аты говорят, что раньше никогда не было этого вредителя, а если и был, то никто его особенно не замечал. Но после Отечественной войны маленькие дома с садиками уступили место большим зданиям, город вырос, благоустроился, оделся в асфальт и каким-то образом помог лунке. Это не абсурд! Два различных явления оказались связанными друг с другом невидимыми нитями.

И еще загадка. Чем ближе к окраинам, тем меньше лунки. Там, где кончается город и начинаются поля, сады, тополевыя рощи и аллеи, вдоль дорог и арыков, лунки почти нет. Чем-то не нравится ей сельская местность. Но чем?

Меня давно занимает тайна этой бабочки и вся история ее, как и история города, в последние годы протекает на моих глазах. Наверное, во всем виновны химические веществ-

ва, которыми опрыскивают деревья для уничтожения насекомых-вредителей. Убивая лунку, одновременно мы уничтожаем никому не известных, большей частью крошечных наших друзей-наездников и других врагов — насекомых-вредителей. Освободившись от своих недругов, вредные насекомые начинают усиленно размножаться, и тогда с ними еще тяжелей бороться. Известно немало случаев, когда химическими обработками было принесено больше вреда, чем пользы. Надо подумать о врагах этой бабочки.

Юные натуралисты приносят мне несколько ведер куколок лунки серебристой. Я терпеливо жду, что из них выйдет. Часть куколок гибнет от какой-то болезни (вот бы использовать бактерию-возбудителя, размножить ее и расселить на пораженные деревья!). Из части куколок вылетают мухи-тахины. Предположение кажется верным. Загадка раскрывается. Но куколки, собранные с большим трудом за городом, где лунки очень мало, еще меньше заражены паразитами и почти не страдают от бактерии. Первое предположение неверное, загадка остается нераскрытой.

Как-то в лаборатории я вижу в марле, которой завязана большая стеклянная банка с куколками лунки, небольшое круглое отверстие диаметром около пяти сантиметров. Несколько куколок в банке съедено, несколько надгрызено острыми зубками.

Чья эта работа?

И тут неожиданно рождается еще одна догадка. Скорее за ее проверку!

Институт защиты растений расположен за городом. Поля вокруг него — идеальное место для эксперимента. Пятсот куколок раскладывается вдоль тополевых аллей под опавшие листья в щелки, ямки, трещинки. Куколки тщательно отмечаются на плане, нумеруются. Теперь мы каждые три дня будем их проверять. Не лакомятся ли ими кто-либо? Ведь куколки такие большие, мясистые, от них исходит такой сильный запах, что не зря привлек в лабораторию таинственного поедателя.

Наступает первый день проверки. Мы не верим своим глазам. Из пятисот куколок только три съедены муравьями. Остальные, до единой, уничтожены, и на остатках следы острых зубов мышей. Все становится ясным.

Но для убедительности нужны еще факты. Тогда мы раздобываем капканы, наживляем их куколками и ставим в

тех же местах. Вскоре в капканах обильный улов: лесные, полевые и немного меньше домовые мыши, поплатившиеся жизнью за намерение полакомиться нашей приманкой.

Еще остается последнее.

Большую партию куколок мы прячем в укрытия в одной из аллей города. Проходит неделя, две. Все куколочки целы. Здесь их некому уничтожать.

Так вот почему в Алма-Ате стала вредить лунка! Из преобразившегося города постепенно исчезли мыши — главные враги этой бабочки. Этот неожиданный вывод пока ничем не помогает в борьбе со злом. Но зато разгадан один из секретов жизни насекомого, и в этом залог будущего успеха и начало для новых поисков.

Куст шиповника

Над сухими и пыльными холмами мелькает ослепительно белая чайка. Потом пролетает цапля, еще чайка, и вот, наконец, показывается большое, до самого далекого горизонта озеро. На галечниковый берег накатываются зеленые с белым гребешком волны, по небольшой косе бродят кроншнепы, и все сразу повернули к нам головы. Проносится стайка чирков. А дальше от берега две чомги сплылись вместе и забавно кланяются друг другу вихрастыми головами.

На берегу озера лежат окатанные волнами валы тростника. Это остатки разбитых ветром плавучих островов. Цветет лиловый осот, и большой темно-зеленый куст шиповника тоже разукрасился белыми цветами. А как свеж, прохладен и по-особенному душист озерный воздух!

Куст шиповника — как государство. Кого только тут нет! Больше всего комаров-звонцов, крупных, с роскошными мохнатыми усами. Их — целые тучи. Напуганные нашим появлением комары с тонким нежным звоном поднимаются в воздух и долго не могут успокоиться.

У основания куста шуршат ящерицы — узорчатые эремии: комаров-звонцов так легко ловить, все листья шиповника до самой земли покрыты ими. Забита звонцами и сеть паука. Хозяин сетей сыт, объелся, обленился и не желает выходить наружу из комочка сплетенных вместе листочков.

Всюду — на листьях и по земле — ползают неугомонные муравьи-бегунки. Они очень заняты. Шутка ли, сколько на землю падает погибающих комаров, какое отличнейшее угощение для муравейника! Крутятся еще мухи-ктыри, хищные клопики, жужелицы. Налетают розовые скворцы и деловито, будто соревнуясь друг с другом, склеивают комаров. Для всех хватает поживы, у всех пир горой!

Комары-звонцы странные. Чуть передвинешься вбок, как с куста поднимается встревоженная стайка насекомых и вновь рассаживается на шиповнике. Но взмах рукой на них не производит впечатления. Несколько энергичных шагов назад от куста, столько же шагов вперед к кусту — тоже не обращают внимания. Уж не воспринимают ли комарики какие-то излучения, идущие от человека? Перемещение источника излучения в сторону вызывает тревогу, а приближение или удаление этого источника не изменяет направления излучения. Это почти фантазия, но как объяснить загадочное поведение звонцов?

Сколько живности находит приют у куста шиповника!

На листьях видны ярко-красные, круглой формы шарики. Небольшое к ним прикосновение — и шарик отваливается, падает на землю. Это галлы, болезненные наросты, вызванные орехотворками. Другие галлы, крупные, неправильной формы, покрыты колючими и крепкими шипами. Растение «защищает» своего врага — личинок-орехотворок.

Но что наделали с шиповником пчелы-мегахиллы! Все листья изувечены, из них вырезаны аккуратные овальные или строго круглые, будто по циркулю, кусочки. Из этих кусочков пчелы изготовили обкладку ячеек для пыльцы цветов и яичка.

Как все в природе взаимосвязано! В том, что шиповник пострадал от пчел-мегахилл, повинны лиловые цветы осота. Если бы они не росли по берегу озера, откуда пчелам брать питательный нектар — концентрированный корм для себя и питательную пыльцу для личинок? Но дело не только в одном осоте. Виновно во всем еще само озеро, выбросившее на берег тростники. Только в полых стеблях тростника пчелы и устраивают расположенные одна над другой ячейки для деток. Озеро — и тростник для гнезд пчел, осот — и нектар с пыльцой, шиповник — и листья для обкладки гнезд. Целая цепь обстоятельств. Если разорвать и уничтожить одно из звеньев, не станет пчелы-мегахиллы на озере.

Как быстро летит время! Наступает вечер, пора забираться в спальные мешки. На далеком противоположном берегу озера загорается тростник, и громадные столбы коричневого дыма поднимаются высоко в небо. Солнце, большое, красное, медленно опускается в воду, протянув по волнам багровую мерцающую дорожку.

Гаснет закат, разгорается зарево пожара. Стихает ветер, и перестают шелестеть волны. Постепенно над берегами озера растет нежный перезвон: комары-звонцы поднялись с дневок в воздух и принялись за брачные пляски.

Ветер совсем стих. Всю долгую ночь напролет раздаются песни звонцов. В гладкое зеркало озера глядятся яркие звезды пустыни и отражается зарево далекого пожара.

Спрятался

В узком ущелье, среди округлых глинистых холмов предгорий, царило оживление. И хотя хмурилось небо, солнце грело через голубые окошки, и всюду по зазеленевшей траве, едва поднявшейся над землей, бродило, ползало, бегало, копошилось множество насекомых.

Всех заметней были черные большие жуки-бляпсы, крупные жужелицы-скаритусы, отливающие холодным блеском вороненого металла, и черно-синие, невероятно медлительные коварные истребительницы пчел — майки. Еще бродили, сверкая броней, жуки-геотрупы. Им всем, весенним жителям, черная одежда была кстати, в ней легче прогревалось под солнцем тело. Трава шевелилась от множества всяческих муравьев, куда-то спешили полосатенькие усачи-корнееды, тарантул у входа в нору грел свежеизготовленный кокон. И кого только еще не было!

Вызывающе яркие ирисы уже отцвели. Но на смену им пришли скромные фиалки.

«Ну, кажется, будет сегодня чем заняться», — радовался я, поспешно сбрасывая с себя лишнюю одежду.

Но счастье было недолгим. По горам поползли вереницей серые тучи, хорошо видная сверху далекая равнина потемнела. И вот уже пасмурно, темно, тянет сырým холодным ветром. Остыла земля, и все куда-то исчезло, будто по какому-то мановению. Не стало черных жуков, спрятались

муравьи. Ничего теперь не увидеть интересного, и лучше, не теряя времени, ехать домой.

Прежде чем сесть на мотоцикл, я с сожалением надеваю на себя теплую одежду, а когда засовываю руку в перчатку, указательным пальцем натываюсь на что-то твердое. Это, оказывается, жук-блякс. Он нашел себе уютное местечко на непогоду и теперь недоволен, что его побеспокоили, встревоженный, поднимает кверху брюшко, грозитя капелькой дурно пахнущей жидкости.

Сверчок

Известно, что кузнечики очень осторожны, отлично ощущают приближение врага по ничтожному сотрясению почвы и вовремя прерывают свои ночные песни. Лишь немного им уступают сверчки. Попробуйте подобраться к поющему в пустыне светлому сверчку! Если вы будете осторожны и двигаться очень тихо, только во время стрекотания он подпустит на три-четыре метра. Но не более. И замолкнет... Тогда состязайтесь с ним в терпении, если для этого есть время. Сколько ни ждать неподвижно на месте, песня не будет продолжена. Сверчок ощущает присутствие человека то ли по ничтожному колебанию его тела, то ли по биению сердца, передающегося через землю.

Не всегда легко определить по звуку и направлению, где находится музыкант. В ночной тишине чудится, будто песня звучит отовсюду: в стрекотании заключен какой-то сложный секрет звучания сверчковой песни. Особенно трудно определить, где сидит поющее насекомое, если вокруг, хотя и далеко, поют другие сверчки. Их песни всегда согласованы, коллективны и представляют собой хорошо слаженный оркестр.

Вот состязание закончено. Вы побеждены. У вас меньше терпения и времени. Но десяток шагов назад — и вновь на

прежнем месте, откуда-то из-под кустика терескена, раздалась громкая победоносная песня осторожного, чутыистого певца пустынных просторов.

В городе наш двор, наверное, один из самых шумных. С раннего утра из всех подъездов больших каменных домов высыпает детвора. Смех, крики, плач не умолкают до самой темноты. К детским голосам примешиваются шум автомобилей, грохот какого-нибудь канавокопателя, строительного крана или отбойного молотка. Еще из окон слышна громкая музыка. Люди с крепкой нервной системой не замечают этой адской какофонии большого города, нервные же страдают бессонницей, становятся раздражительными и злыми.

Как-то вечером я услышал под окном своей квартиры пение пустынного сверчка. Оно было таким неожиданным и прекрасным, что я вначале себе не поверил.

«Наверное, так забавно засверчал холодильник, или в цоколе лампочки нет контакта и пробивает искра, или что-либо другое», — думал я.

Но в комнату проникали звуки настоящей песни. Музыкант сидел где-то близко, не обращая внимания на то, как мимо гурьбой носились дети, проехал мотоцикл, о чем-то громко спорили соседки. Пение его было ясным, громким и удивительно чистым. Будто певец изо всех сил старался заглушить хаос отовсюду несущихся звуков и смело вступил с ними в единоборство.

Не знаю, как сверчок очутился на крохотной клумбочке цветов, почти в центре большого города, как уцелел от всяческих ядовитых веществ, которыми в изобилии поливались деревья и сады от насекомых-вредителей, даже когда в этом не было никакой необходимости.

Я без труда подошел к нему почти вплотную. Сверчок не заметил, не обратил внимания, не прервал стрекотания.

Спаниель Зорька тоже услышала сверчка, осторожно подобралась к кусту, вытянулась стрункой, подняла переднюю лапку, застыла, искоса, одним глазом поглядывая в мою сторону. Она не знала, что это такое: то ли зверь, то ли птица, то ли не стоящая внимания козьявка. Потом не выдержала, сунула нос поближе. Сверчок умолк, но ненадолго. Дети разве пройдут мимо того, на что обратил внимание взрослый? Они собрались толпой и так же, как и я, слушали крошечного солиста, а маленькая девочка — соседка Таня, когда требовалось, командовала:

— Коля, замолчи, не сопи носом! Из-за тебя сверчок петь перестанет!

Звонкие трели сверчка продолжались четыре ночи. Иногда они слышались сквозь сон, и тогда казалось, будто я совсем не в городе, а где-то в далекой экспедиции, среди опаленных солнцем гор пустыни, и вижу не отблески уличных фонарей на стеклянных дверках книжных шкафов, а большие яркие звезды на темном высоком небе.

На пятую ночь мы не услышали сверчка. Напрасно маленькая Таня приказывала детям молчать, не шевелиться. Сверчок умолк. Исчез совсем.

— Он ушел в пустыню к другим таким же сверчкам, чтобы петь в темноте и не слышать городского шума. Ушел еще для того, чтобы петь вместе со всеми, такими же, как и он, сверчками,— так я объяснил Тане исчезновение нашего солиста.

Но я, кажется, обманывал мою маленькую соседку. От города до пустыни очень далеко. А причина была гораздо проще: рано утром дворник, поливая асфальт, направил на клумбу такую сильную струю воды, что даже помял цветы. Наверное, от этого и погиб наш милый музыкант.

Ущелье Рахат

В этом узком и извилистом ущелье, поросшем дикими яблонями и урюком, было удивительно много ремезов, клещей и сорок. Ремезы летали вокруг своих изящнейших гнездышек, напоминающих рукавичку, связанную из серой шерсти, клещи всюду висели на кустах и травах и цеплялись на мою собаку, а сороки сидели на коровах и выклевывали с них напившихся крови клещей. Коровы, судя по всему, привыкли к своим защитникам и терпеливо сносили их суетный нрав и крикливость.

Невольно вспомнилось из прочитанных книг о том, что в Африке подобным истреблением паразитов занимается на носорогах маленькая белая цапля. Она издавна приспособилась к этому занятию, сдружилась со своими хозяевами и служит им так, что криками предупреждает о приближении врагов.

Изрядно побродив по ущелью, я затратил немало времени, чтобы выбрать с собаки несколько десятков клещей. Мне казалось, что мой четвероногий друг теперь избавлен от гнусных паразитов. Но я ошибся. Дома, на третий-четвертый день, у спаниеля стали появляться коричневые желваки, размером в горошину. То были напитавшиеся клещи. Всей семьей, уподобляясь рахатским сорокам, мы старательно их разыскивали и выдергивали, в то время как собака, польщенная таким вниманием, растянувшись на полу, кряхтела от удовольствия. Но кое-кто из клещей все же ускользал от нас и потом, отяжелевший, сваливался на пол, стараясь укрыться в темное местечко. И тут неожиданно обнаружилось, что клещи присасывались почти все на черной голове, черном пятне на спине и там, где по белой шерсти были разбросаны черные крапинки. Будто понимая, клещи старались замаскироваться, чтобы не оказаться заметными.

Откуда у клещей появилась такая неожиданная привычка? Уж не потому ли, что испокон веков в ущелье Рахат сороки занимались их истреблением на коровах и уж, конечно, в первую очередь учиняли расправу над теми, которые присасывались среди светлой шерсти. Постепенно, кто не умел прятаться, был истреблен и не оставил после себя потомства.

Так сороки привили клещам особую хитрость, благодаря которой они сохраняли свою жизнь.

На озере Иссык-Куль

По синему озеру гуляют волны с белыми гребешками. Слегка шумит прибой. Щедро греет солнце. А рядом, в горах, нависли тучи, и космы дождя и снега закрыли вершины. Доносятся далекие раскаты грома. Два мира: север в горах и юг над озером уживаются так близко, рядом друг с другом.

Сегодня маленькие муравьи-тетраморисы забрались в палатку, проникли под полог и принялись нас колоть тоненькими жалами. Вчера вечером, выбирая место для бивака, я не заметил колонии этих распространенных и многочисленных муравьев. Теперь хозяева территории стараются прогнать нас — непрошенных гостей. Было бы неплохо посмотреть на маленьких мучителей, но неожиданно я вижу

крупного лугового рыжего муравья. Он поспешно ползет от озера в заросли, очевидно направляясь в свое жилище, не задерживается, не мешкает и вскоре приводит меня к своему дому. Он совсем недалеко от бивака, сложен из больших кусочков стеблей, выглядит весьма крепким сооружением и расположен в самом центре большого куста полыни-эстрагона. Жители муравейника темные, крупные, настоящие южане.

На муравейнике картина будничной жизни: строительство жилища, добыча пищи, отдых. Не поднести ли муравьям немного сахара на кусочке плотной бумаги? Сахар привлекает внимание. Его лижут, вокруг него суетятся. Теперь неплохо бы сахар смочить водой. Сладкая вода преобразует муравьев. Толпы сладкоежек теснятся у кромки лужицы, заползают друг на друга, и тот, кто напился, ползет обратно с раздувшимся брюшком, с трудом передвигая ноги.

Все, кто вновь попал на пиршество, сразу же понимают, в чем дело, и жадно льнут к влаге. Но находится один, которому все кажется непонятным или, быть может, даже неприятным. Что за толпа застывших собратьев на чем-то белом и незнакомом! Он хватается одного за ногу и оттаскивает в сторону, принимается за другого, но неожиданно сам склоняется и, распластав в стороны ноги, прилипает к жидкости.

Другой муравей не стал много пить. Что-то с ним произошло. Его бьет лихорадка. Мелко и беспрерывно вздрагивая, он обходит муравейник. Что с ним? Быть может, муравей подает сигнал? Потом появляется второй такой же.

Иссык-кульские рыжие муравьи не особенно злобны, и можно без опасения часами стоять возле муравейника. Но один заполз на ботинок, с него на носок, добрался до голого тела и немедленно пустил в ход острые челюсти и едкую кислоту. Муравей-забияка схвачен и брошен в самую среднюю сладкой лужицы, беспомощно барахтается в ней и, кажется, вот-вот потонет. Но один из сладкоежек бросается в воду, хватается утопающего и вытаскивает его на сухое место.

Когда-то мне приходилось много изучать рыжего муравья, но спасение утопающего вижу впервые. Тогда я повторяю эксперимент и все с тем же результатом. Иссык-кульские муравьи часто ходят за добычей на берег озера. Наверное, там немало разведчиков смывает волнами и, кто знает, быть может, поэтому они научились вырывать тонущих.

Загадочное излучение

Это было удивительное место. Едва я присел на походный стульчик возле кустиков тамариска и терескена, как по мелкому и светлому щебню, покрывавшему дно сухого русла, из зарослей с величайшей поспешностью дружно выскочило сразу около полутора десятков темно-коричневых, со светлыми ногами клещей — Гиаломма азиатика. Они мне хорошо знакомы. Весной в пустыне их множество. Вот и здесь, возле гор Богуты, их тоже, наверное, немало. Но чтобы сразу ко мне помчалась целая компания — это я вижу впервые.

Меня всегда поражала чуткость и быстрота бега этих клещей. Пустыня с ее суровыми законами жизни выработала такие свойства у этого кровопийцы. Но при помощи какого органа он разыскивает свою добычу — было непонятно. Я подозревал... Впрочем, сейчас, когда пути множества бежавших от кустов клещей постепенно сходились у моих ног, следовало бы проверить свои догадки.

Ветер дует на меня. Клещи бегут по ветру и, следовательно, не по запаху. Может быть, они отлично видят свою добычу, но клещи, как и все членистоногие, очень близоруки. Тогда я перебегаю на несколько метров в сторону и прячусь за куст селитрянки. Будто по команде, клещи сразу меняют направление и опять несутся ко мне. Согнувшись, я переползаю за другой куст. Все клещи вновь мгновенно повернулись. Нет, они меня не видят, не чуют по запаху, и тем не менее как-то узнают, где я нахожусь.

А что, если клещам подбросить какую-нибудь мою вещь? Я снимаю майку, кепку, бросаю их на пути клещей и отскакиваю в сторону. Клещам не нужны ни майка, ни кепка, они не обращают на них никакого внимания и вновь поворачиваются ко мне. Они превосходно чуют, но не при помо-

щи обоняния, иначе клещи бежали бы по следам и против ветра, не зрения и, конечно, не слуха, так как клещи обнаруживают тихо сидящего человека. Им помогает какой-то особенный орган чувств, улавливающий...

И тут опять невероятная загадка. Что улавливающий? Неужели от млекопитающих и человека исходит какое-то излучение? Но тогда какой необычайной чувствительностью должен обладать этот таинственный орган клещей!

Интересно бы провести опыт до конца. Привезти в пустыню железный, деревянный, свинцовый ящики и забраться в них. Излучение, если оно есть, пройдет через дерево, быть может, частично задержится железом и определенно будет изолировано свинцом. Но такой опыт не по силам мне, занятому другими делами.

А почему бы не использовать вместо железного ящика легковую автомашину? Чем она хуже его!

Тогда я снова усаживаюсь на землю. Клещи, размахивая передними ногами, мчатся ко мне, а я прячу их одного за другим в коробочку. Улову нет конца: из кустов беспрерывно выскакивают мои преследователи. Те, кто находились от меня далеко, прибывают с запозданием.

На конце лапок передних ног всех искодовых клещей, к которым относится и наш Гиаломма азиатика, располагается небольшая ямка с несколькими отростками на дне. Ученые давно считают эту ямку органом чувств. Я отрезаю у нескольких клещей самые кончики лапок передних ног. Оперированные клещи неузнаваемы. Они глухи ко всему окружающему, прекращают меня разыскивать и прячутся под камни. Может быть, от боли? Тогда я отрезаю у клещей кончики лапок только с одной стороны, оставляя другую нетронутой. С одной лапкой клещи ведут себя не хуже здоровых.

На биваке никого нет. Все разбрелись по делам. Возле машины — чистая площадка, покрытая светлым гравием. Я вытряхиваю на нее весь свой улов, около полусотни клещей, бегу в машину, сажусь за руль, захопываю дверку.

Клещи в смятении мечутся по земле, сталкиваются друг с другом. Но вот ориентир взят, и они один за другим бегут к машине. Какая оплошность! Наблюдая за клещами, я высунулся из окна машины и, конечно, нарушил экранизацию. Тогда я вновь собираю клещей, опять вытряхиваю их из проборки в нескольких метрах от машины, быстро прячусь в

кабину и через небольшое карманное зеркальце, положенное на край окна, наблюдаю за клещами.

Мои преследователи растеряны, крутятся на одном месте, некоторые, размахивая ногами, забираются на камешки, большинство же направляется к ближайшим кустам и прячутся в них. Только два клеща подползают к машине. Два из пятидесяти, и те, возможно, случайно. Клещи не почуяли меня за металлическим барьером, несмотря на то, что добыча была от них, таких чутьистых, совсем близко.

Трудно сказать, в какой мере убедительны мои эксперименты. Для окончательной разгадки таинственной чутьистости клещей их, конечно, мало. И тем не менее уже сейчас ясно, что клещам в поисках добычи помогает не зрение, не слух, не обоняние. Я верю в загадочное излучение, исходящее от человека, оно, наверное, имеет какое-то отношение и к передаче мыслей на расстоянии, в расшифровке которой ученые до сего времени беспомощны. Но какого совершенства и необычайной сложности достиг маленький аппарат на концах лапок клещей, крошечный комочек, едва различимый в лупу, способный воспринимать ничтожную силу излучения! Вот бы разгадать его устройство и функцию! Какое бы это было интересное открытие!

Мухи-спутницы

Чилик, молочно-белый, шумливый, бежит через Сюгатиинскую долину. Он разрезал на множество островков большой зеленый тугай, разлился многочисленными протоками и, собравшись в одно русло, помчался через ущелье между красными голыми горами в далекую пустыню. Мы поднимаемся вверх по тропинке в горы. Вокруг камни, глина, кустики таволги, терескена и шиповника. Кричат кеклики, перелетая с вершины гор на вершину, пронзительно перекликаются пустельги. Из-за кустов выскакивают зайцы-песчаники. Жарко. Зайцы, неохотно отковыляв в сторону, прячутся под кустами. Некоторые из них неторопливо взбираются по камням все выше и выше, скрываясь за горизонтом.

Вокруг беспрестанно летают серые мухи и вскоре же садятся впереди, повернувшись к нам головой. Мухи все

время рядом. Иногда будто кое-кто из них отстает, но, взамен исчезнувших, появляются другие. Странные мухи. Зачем они за нами летят и садятся впереди на камни? Неужели боятся, чтобы на них не наступили, и поэтому устраиваются головой навстречу. Тогда не проще ли уступить дорогу и скрыться в сторону, чем крутиться впереди?

Мелкие муравьи-тетраморисы вышли из-под камня большой компанией. Как будто между ними началось сражение, и кое-кто уже сцепился в смертельной схватке друг с другом. Мы останавливаемся возле муравьев и внимательно рассматриваем их.

Мухи тоже расселись вблизи на камнях, смотрят на нас большими коричневыми глазами. Постепенно они исчезают. Для них не интересны сидящие люди. Но, едва мы трогаемся дальше, как мухи вновь появляются.

Нет, мухи неспроста летают с нами, чем-то мы для них необходимы.

Обратно с горы мы спускаемся напрямик, без тропинки. Из-под ноги вылетает кобылка-пустынница, сверкает красными с черными перевязями крыльями и садится на землю. Почему-то здесь кобылки очень неохотно взлетают. Некоторые выскальзывают из-под самых ног, пытаясь незаметно отползти в сторону. А те, что поднялись в воздух, потом, на земле, трепещут крыльями, как будто пытаются сбросить что-то со своего тела. Подобное я когда-то видел раньше. Вспомнил! Так ведут себя кобылки, которым на лету отложили яичко на тело особые мухи-тахины. Через нежные покровы под крыльями личинки мух проникают внутрь тела, потом съедают своего хозяина и сами превращаются в мух. Уж не занимаются ли этим коварным ремеслом те мухи, которые сопровождают нас? Предположение нетрудно проверить. А ну, кобылка, поднимайся в воздух!

Совсем не так уже далеко пролетела кобылка. Но короткого взлета было достаточно. Мгновенно целой компанией бросились мухи на летящую кобылку.

Секрет мух разгадан! Теперь понятно, почему мухи гонялись за нами и садились впереди.

Кобылки, чувствуя своих врагов, не желают расставаться с землей, расправлять крылья и обнажать уязвимые места. Но из-под ног крупных животных кобылки всегда взлетают: кому хочется быть раздавленным? А мухи, завидев крупных животных, сопровождают их.

Мы ловим мух и складываем в морилки для того, чтобы впоследствии их более точно определить. Да, это типичные мухи-тахины, истребительницы кобылок.

Впрочем, еще не все понятно. Если мухам так нужны взлетающие из-под ног человека кобылки, почему же они не собрались возле нас большой стайкой, а всегда были примерно в одинаковом количестве? По опыту я знаю, что каждое насекомое занимает свою территорию и старается ее не покидать. Если бы не было такого порядка, то мухи скопились бы неравномерно и мешали друг другу. По-видимому, нас все время сопровождали разные мухи и вели что-то вроде эстафеты.

В Сюгатинской долине сейчас очень мало кобылок. Можно не сомневаться, что в этом году мухи уничтожат почти всех кобылок, а затем им не на кого будет откладывать яички. Только очень немногие, случайно уцелевшие кобылки дадут потомство.

Мухам плохо уже сейчас. Многие из них понапрасну бросаются на летящих муравьиных львов, на бабочек. Нелегко мухам-мамашам пристраивать свое потомство. Многие из них окажутся неудачницами.

Под облаками

Сегодня выдался жаркий день. Пустыня, ослепительно светлая, горячая, полыхает миражами, и ветер, сухой, обжигаящий, несется над ней, поднимая облачка пыли. Кажется, все замерло, спряталось. Лишь неумолчно кричат цикады, и песня их, звонкая, сверлящая, действует на нервы. Если бы не этот ветер, еще можно терпеть. Но он попутный, и в машине несносная духота. Пожалуй, лучше остановиться, растянуть тент и залечь под ним в тени.

Но как-то неожиданно на светлой пустыне появляются темные, почти синие пятна — тени от редких облачков. Одно пятно впереди, близко. Оно мчится по пути прямо по дороге. Немного газа, и мы догоняем тень, забираемся в нее и путешествуем под ее защитой. И сразу легче, прохладней. И еще от чего-то приятней. Сразу не догадаться. В тени не поют цикады. Они теперь провожают нас вместе с тенью молча, замерев на кустиках боялыша и полыни. И вдруг, совсем рядом, как и прежде, сверкает горячее солнце.

Иногда облачко будто бежит быстрее, иногда медленнее. Но счастье наше недолгое. Тень уходит в сторону, и опять духота, ослепительный свет и скрипучие крики цикад, хотя впереди еще тень от другого облака, и мы вновь спешим в него забраться, как под зонтик. Никогда не приходилось путешествовать под тенью облаков, и погоня за ними кажется такой необыкновенной.

Но ровная дорога отклоняется в сторону, и теперь прощайте облачка, нам с вами не по пути, и незачем перегревать мотор, пора до вечера сделать остановку да попутно скипятить чай, утолить жажду.

Скучно сидеть под тентом. Надо решиться прогуляться по знойной пустыне. Быть может, не все замерло и что-нибудь есть живое? Здесь нет цикад, зато раздаются странные птичьи крики светлокрылой кобылки-пустынницы. Она единственная способна вынести такую жару. Впрочем, самки, я знаю, забралась в тень кустиков, а самцы взлетят в воздух, совершая замысловатые зигзаги: в воздухе не так жарко, как на земле, в воздухе кобылка остывает.

Я долго хожу за одной такой кобылкой. Она не желает улетать с облюбованного ею места. Это ее территория. Лишь один раз уносится далеко, к кустикам саксаула, но вскоре же возвращается обратно.

Иногда над кустами, с жужжанием медленно проплывают большие золотисто-зеленые златки и грузно падают на ветки саксаула.

Златки — дети солнца, и тоже, как светлокрылая кобылка-пустынница, не боятся жары.

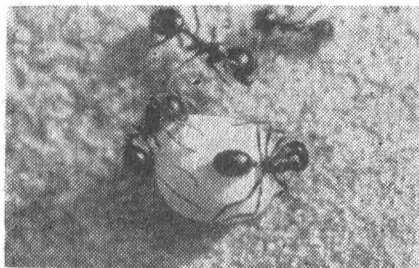
И больше нет никого. Пустыня мертва. Даже муравьи-бегунки спрятались в свои подземные убежища. Но вот из-под кустика терескена выбегает клещ Гиаломма азиатская. Зачув меня, он не выдержал, не испугался жары. Быть может, он ждал такой встречи с самой весны, почти два месяца? Сейчас решительный момент в его жизни. И клещ мчится изо всех сил на своих желтых длинных полусогнутых ногах. Вот и у моих ног конец его пути. Но я отбегаю несколько шагов в сторону.

У клеща отличное обоняние. Он моментально повертывается и бежит с еще большей быстротой.

Но почему-то сбился, закружился на одном месте, лихорадочно замахал ногами и вдруг скрючился, застыл, замер. Неужели потерял меня, заблудился?

Я тронул прутиком клеща. Он мертв, погиб от несносной температуры, сжарился на перегретой земле, земле такой горячей, что к ней нельзя прикоснуться руками.

А солнце полыхает, залило все нестерпимо ярким светом, во рту пересохло, хочется пить, и в глазах мелькают какие-то красные полосы. Нет, надо спешить к машине и, как и все живое, прятаться, чтобы не уподобиться несчастному клещу, так неосторожно решившемуся на безумную попытку расстаться со спасительной тенью.

Три горошины

В специальном мешочке я взял с собой разное зерно: рис, пшено, гречку, ячмень и даже мак. Был еще горох. В свободное время возле гнезда муравьев-жнецов я насыпал затейливыми узорами зерно и, усевшись на стульчик, отдыхая, наблюдал, как муравьи подают сигналы мобилизации, как собирают неожиданный урожай и многое другое. Кроме того я часто добавлял еще несколько горошин. С ними муравьи ничего не могли сделать: за гладкую оболочку никак не уцепишься челюстями и ногами не обхватишь, чтобы унести. Изрядно провозившись, «огорошенные» муравьи оставляли в покое непосильную ношу и более к ней не притрагивались, даже если весь муравейник голодал из-за недостатка трав. Но как все муравьи сразу узнавали, что горох — добыча нестоящая?

Сегодня утром, проснувшись, я не слышу, как шумит каратуранга, не несутся тучи песка, надоевший нам ветер стих, и пустыня застыла в приятном покое. Какая сегодня погода, есть ли на небе тучи, сквозь полог ничего не видно. Но над головой загораются золотом листья деревьев, взошло солнце и осветило землю.

Что может быть чудесней тихого солнечного утра после долгого ненастья! Пока все спят, я обошел барханы, посмотрелся на далекие сиреневые горы, в которых глубокие тени отметили все распадки, наслушался звонких криков отаек и заглянул на гнездо муравьев-жнецов. Кучка риса, насыпанная еще вчера вечером, исчезла. Но что удивительно, исчезли и три горошины. Небольшой же конус из палочек и камешков, которыми пепельноволосые жнецы прикрывают вход в гнездо, в одном месте был разобран, а до самой земли проделана чистая дорожка, будто для того, чтобы по ней прокатить горошины.

«Нет, не может быть такого, — подумал я. — Горошины просто склевала какая-нибудь птица».

Впрочем, все легко выяснить. И я вновь кладу у гнезда три горошины.

Здесь, на голом такыре, жнецам нелегко с пропитанием, и не зря кое-кто из них, нарушая давние обычаи, нападает на насекомых и тащит их в свое жилище.

У горошины оживление, суматоха, смельчаки, пытающиеся осилить непомерную ношу. Кое-кто, изрядно повозившись, мчится в гнездо, наверное, звать на помощь. Показывается из норы большой медлительный солдат. Долго чистит усы, гладит голову, потом направляется к горошине. Еще появляется таких же три солдата. Четыре крупных и несколько мелких юрких муравьев — недурная компания скопилась у горошины. Два муравья подлезают под горошину, другие два тянут ее сверху, и, хотя попытки не совсем согласованы, горошина вздрогнула, закачалась, медленно-медленно покатила к муравейнику и исчезла в нем. За первой горошиной была утащена вторая, а затем и третья.

Всё происходящее кажется невероятным. Я всегда думал о том, что поведение муравьев не столь просто, как его представляют, и что кроме инстинкта громадное значение имеют опыт и подражание. Наконец, муравей муравью рознь и среди множества находятся редкие умельцы на всякое трудное дело.

Восхищаясь умельцами, разрешившими столь трудную задачу, я насыпал перед входом целую горку гороха.

Угощайтесь на здоровье!

Добытчица

Мне встретилась очень красивая оса-истребительница. Брюшко ее красное и такое яркое, будто тлеющий уголек. Все же остальное тело, в том числе и крылья, глубоко черные с синеватым отливом. Оса беспрестанно встряхивала крыльями, и от этого брюшко-огонек то гасло, то загоралось.

Осу я хорошо знал, мы с ней старые знакомые. Сейчас я вижу, как она мчится по сухому глинистому бугру вспять и тащит за собой в челюстях молодого тарантула.

— Счастливого пути! — кричу я осе.

Следить, что будет дальше, не хочется. Дальнейшее все известно. Сейчас оса найдет где-то уже выкопанную норку, затащит в нее добычу, отложит на нее яичко, закопает домик своей детки, и потом, почистив свой изящный костюм, вспорхнет в воздух и помчится лакомиться нектаром.

Но у осы неприятность. Она потеряла свою норку. Положила паука, мечется. Иногда проводывает добычу: цела ли?

Наконец норка найдена. К ней следовало давно завернуть в сторону. Видимо, нелегко с добычей ориентироваться. Теперь придется тащиться обратно. В это время я вижу другую осу, такую же, только чуть меньше. Она сталкивается со счастливой обладательницей паука и неотступно следует за нею. Зачем?

Оса-добытчица почти у норы. Она кладет паука и спешит проведать норку. В это мгновение маленькая оса хватает паука и бросается с ним наутек. Вот это здорово! Никогда не думал, что среди столь благородных охотников могут быть воровки.

Добыча тяжела, тащить ее трудно. И хотя оса напрягает силы, дела ее идут медленно. А оса-хозяйка уже выскочила из норы, кинулась в погоню, набросилась на похитителя. Как замелькали черные крылья, как засверкали красные огоньки!

Над воровкой учинена расправа. Она с позором убегает. Хозяйка заносит паука в норку и, наверное, счастливая, кладет на него яичко.

Порок наказан, добродетель торжествует.

Дорожные знаки муравьев

Как-то много лет тому назад в пустыне, на светлой лесовой почве, я увидел странную темную линию между двумя кустиками полыни. Она была совершенно прямой, будто проведена по линейке, и состояла из почти черных запятых и точек. Запятые хвостиками были направлены в разные стороны линии. Долго я не мог понять, кто и для чего мог сделать такое. Мало ли загадочного встречается в природе во время путешествий!

Затем таинственная линия снова напомнила о себе, и я сильно заинтересовался ею. Но сколько ни ломал над ней голову, сколько ни всматривался в окружающую местность, ничего понять не мог.

«Странная линия! Когда-нибудь, может быть, все же удастся узнать, что это такое,— успокаивал я сам себя.— Важно только о ней помнить».

И все же я забыл о темной линии из точек и запятых. Забыл настолько, что чуть было не прошел мимо отгадки. Помог же случай, вернее, даже не случай, а галлы на колючем кустарничке-чингиле.

Один кустик очень был поражен этими галлами. Они были забавными. Листочек сильно вздувался, складывался вдоль, а края его накрепко склеивались в прочный шов. Небольшая камера внутри листочка вся кишела толстыми оранжевыми личинками галлиц.

Сейчас пришло время личинкам выходить из галла. Прочный шов раскрывался, через щелку одна за другой оранжевые личинки покидали домик, падали на землю и там, найдя трещинку, забирались поглубже, чтобы окуклиться и превратиться в маленького с нежными причудливыми усиками комарика-галлицу. Бегство личинок из домика происходило ночью, в прохладу, пока не проснулись враги галлиц: каменки-плясуньи, ящерицы-геккончики и, главное, многочисленные муравьи.

И все же муравьи-крематогастеры разнюхали о том, что происходило на кустике чингиля, и организовали охоту за нежными и, наверное, очень вкусными личинками галлиц. У этого маленького муравья приметная внешность: ярко-красная голова и грудь, черное брюшко заострено на конце с тонким, как иголочка, жалом. Когда муравью грозит опасность, он запрокидывает сверху брюшко и жалит как-то по-

скорпионьему, сверху вниз или сбоку. Муравьи-крематогастеры ходят всегда гуськом, друг за другом, не сворачивая с ранее установленной дороги.

Рано утром, когда над пустыней взошло солнце, вдали прокричали чернобрюхие рябки и цикады завели свои безобразные скрипучие песни, я увидел колонну крематогастеров. Она тянулась к кусту чингиля с галлами. Муравьи очень спешили.

Многие из них мчались от куста, зажав в челюстях розовые личинки.

Другие как будто попусту сновали взад и вперед по узкой ленте муравьев и, казалось, только мешали стройному движению.

Нет, они совсем не мешали, а были заняты важным делом. Это были особенные муравьи-топографы, или дорожники, и занимались тем, что брызгали на дорогу капельки жидкости. Каждая капелька темнела и становилась точечкой. Она, видимо, пахла, вся дорога была ароматной, и по ней, по следам, оставленным дорожниками, мчались за добычей разведчики и охотники и, быть может, еще какие-нибудь специалисты.

А запятые?

Увидал я и запятые. В одном месте дорога раздвоилась и направилась к другой веточке куста. Эту новую дорогу проводили в спешке, на бегу выделяя капли, на бегу же их и шлепали на землю, слегка поводя по ним брюшком, отчего и получался у точки маленький хвостик-запятая. Она была вроде указателя направления движения. Кто бы мог подумать, что у муравьев существуют настоящие дорожные знаки! И, видимо, издавна, множество тысячелетий. Потом, когда вслед за дорожниками помчались добытчики с личинками и дорога стала двусторонней, появились запятые с хвостиками и в обратную сторону.

Видимо, муравьи-крематогастеры плохо ориентируются и поэтому всегда ходят по тоненьким линиям из точек и запятых, оставленных муравьями-дорожниками. Очень возможно также, что когда муравьи переселяются куда-нибудь, хвостики запятых бывают направлены только в одну сторону. Интересно было бы это проверить!

Таинственный бугор

Под кустом тамариска тень. Под ней можно спрятаться от жгучего солнца. Яркий солончак, покрытый солью, с красными, желтыми и зелеными пятнами солянок, слепит глаза.

Хорошо бы отдохнуть от долгого похода, привести в порядок записи наблюдений. Но на тоненькую веточку тамариска села изящная черная с желтыми полосками и двойной талией оса-эвмена. И не просто села. Она принесла в челюстях комочек глины и сейчас старательно его пристраивает к веточке. Здесь, оказывается, она лепит свой чудесный домик из глины, настоящий кувшинчик, строго правильной формы, с коротким горлышком. Форма кувшинчика очень красива, линии изгибов изящны, плавны, и само по себе строение может служить хорошей моделью, которой мог бы позавидовать горшечник.

Я уже представляю, что будет потом. Закончив кувшинчик, оса в его полости подвесит на тонкой шелковинке яичко и принесет несколько парализованных гусениц. Потом она будет проведывать замурованную детку, а белая личинка станет дожидаться добычи от матери, заглядывая через круглое горлышко домика. И только когда личинка окуклится, а на кувшинчик будет наложена глиняная печать, заботы осы закончатся.

Хотя в общих чертах жизнь осы-эвмены известна, как упустить редкий случай понаблюдать за ее работой.

Размазав по кругу кусочек глины, оса приготовила что-то похожее на тарелочку. Сейчас она отправится за очередной порцией строительного материала. Далеко ей лететь! Кругом ослепительный солончак, усеянный разноцветными солянками, а до реки не менее километра. Но оса, и это я хорошо вижу, описав в воздухе круг, направилась совсем в другую сторону, к большому бугру, и, мелькнув темной точкой на фоне неба, исчезла.

«Наверное, проголодалась и полетела искать нектар», — решил я и ... ошибся.

Через несколько минут оса вновь на тоненькой веточке, старательно разделявает глину и, быстро закончив дела, вновь улетает в ту же сторону, к бугру.

Все происходящее кажется загадочным. Бугор довольно высок. Его восточная сторона крута, западная полого.

Весь он оброс колючим джингилом, тамарисками и терескеном. Где там может оса найти мокрую глину? А на вершине?

На вершине бугра совершенно неожиданное. Здесь сочная зеленая трава, в круглом углублении сверкает вода, в продольной ложбинке по длинной западной стороне холма струится прозрачный прохладный ручей. Он теряется у подножия холма в сухой земле солончаковой пустыни. Здесь благодаря его живительной влаге растет несколько крупных развесистых деревьев лоха и тамариски.

Ручей на вершине бугра кажется непонятной игрой природы. Высота бугра не менее восьми метров. До уровня же воды в реке Или от поверхности солончака, на котором расположен бугор, примерно, то же расстояние. Какая сила подняла воду на высоту около пятнадцати метров?

Я долго думаю о необычайной находке и постепенно начинаю догадываться. По-видимому, глубоко под землей располагается идущий полого вниз с ближайших гор Чулак-Тау слой воды, прикрытый твердыми породами. Когда-то в этом месте вода прорвалась наружу и вытекла ручейком. Возле него тотчас же выросли трава, деревья и кустарники. Ветры, так часто дующие по долине реки, заносили песком растения, образуя возвышение. Но растения тянулись кверху, и ручей вновь обрастал со всех сторон. Так постепенно в борьбе с ветром рос бугор, и в его центре упрямо пробивался ручей.

В этой местности больше так называемых «верховых» ветров, дующих по течению реки с востока на запад. Поэтому бугор и получился крутым с восточной стороны, а ручей потек по более пологому западному склону и промыл в нем довольно глубокое ложе.

И тут я вспоминаю, что недалеко от этих мест, в ущелье Чулак-Джигде, на склоне горы, высоко над ручьем, бегущим по ущелью, тоже есть старинный, будто кем-то нарочно насыпанный, высокий и крутой бугор. Он весь зарос зеленой травой, тростником и лохом, такими необычными среди выгоревших от солнца пустынных гор. На этом бугре, наверное, тоже когда-то бежал ручей.

Сколько лет прошло, как вода из далеких глубин прорвалась наружу и возле нее выросли такие высокие бугры? Интересно бы сделать химический анализ воды, быть может, она обладает целебными свойствами?

У ручья много насекомых, страдающих от жажды, и тут среди бабочек, всевозможных мух я вижу и изящную осу-эвмену. Наверное, это она, моя знакомая. Почему их здесь так много собралось? Неужели родниковая вода вкусней, богаче минеральными солями, чем речная?

Пока я рассматриваю бугор, на горизонте появляется всадник и приближается ко мне.

— Этот бугор, — рассказывает всадник, — мы хорошо знаем, он называется Кайнар. Говорят, очень давно в этих местах жил охотник. Умирая, он просил похоронить его на бугре и обещал, что тогда с самой вершины потечет вода. Просьбу его выполнили, и на бугре родился ручей. Почему вода бежит на вершине бугра? Расскажи, почему?

Я старательно объясняю происхождение бугра и ручья, рисую на бумаге схему. Мой собеседник внимательно слушает, как будто со всем соглашается. Но в его глазах я вижу недоверие. Легенда проще, понятней. Умиравший охотник, наверное, был добрый святой. Он заставил воду подняться кверху и служить людям.

— Ну, а какая вода? — спрашиваю я.

— Вода хорошая. Сладкая вода. Попробуй. Не бойся. Мы пьем.

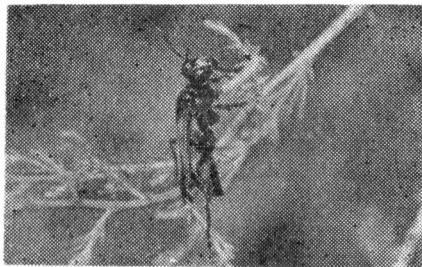
Недалеко от первого бугра есть еще такой же второй. И как только я его сразу не заметил! Но он сух. На вершине этого бугра барсук нарыл норы, и, вот удивительно, из одной норы едва сочится вода! Может быть, и барсук добрый святой?

Второй бугор тоже создан ручейком, и в этом нет сомнения. Но вода была покорена ветром и засыпана землей, пока не появился барсук. Кто знает, быть может, в легенде о завещании умирающего охотника есть доля правды? На первом бугре вода тоже была засыпана землей, а потом, когда вырыли могилу, вышла на поверхность.

Сколько времени отнял у меня этот таинственный бугор! Солнце склонилось к горизонту, спала жара, и белый солончак сперва поглубел, а потом стал совсем синим.

Я спешу к кусту тамариска и разыскиваю знакомую тоненькую веточку. Оса-эвмена молодец! Она закончила свой домик. Теперь мне не за чем наблюдать. Но я не досаую и благодарю маленькую строительницу за то, что она привела меня к прозрачному прохладному ручью, вытекающему из таинственной глубины земли.

Длинные ноги и длинные челюсти

Мы сидим возле машины вокруг тента, постеленного на землю, завтракаем, поглядывая на коричневые горы Богу-ты, на далекую синюю полосу гор Калканов с едва заметным желтым пятном Поющей горы, и обсуждаем маршрут путешествия. Пожалуй, нам больше не стоит задерживаться в этой обширной и горячей пустыне и следует ехать дальше. Таково мнение большинства.

Впрочем, поговорить как следует не удастся. Мимо нас то пронесется на высоких ходульных ногах чернотелка, то на скатерть заберется муравей и, ухватив крошку хлеба, изо всех сил, торопясь, старается выбраться с богатой добычей. Потом откуда-то сверху, рядом с машиной, сверкая ярко-голубыми с черной перевязью крыльями, садится большая кобылка — Тринхус илиензис и быстро прячется в кустик терескена. Вслед за ней неожиданно появляется ос-сфекс, большая, энергичная, смелая, в иссиня-черном одеянии. Не обращая никакого на нас внимания, она мечется вокруг, будто кого-то ищет.

Какие у осы длинные ноги! Зачем они ей такие?

Оса подбегает к скатерти, вскакивает на банку из-под консервов, расправляет усы специальной кисточкой на передних ногах, потирает друг о друга задние ноги, широко раскрывает длинные и острые челюсти, потом захлопывает их так, что острые концы торчат сбоку, с противоположных сторон. И все это ловкими, быстрыми, привычными движениями. Потом поводит из стороны в сторону головой с большими черными глазами и, будто осмотрев всех, сидящих на земле кружочком, мчится дальше, горделивая, независимая, сильная. Она очень занята, ей некогда, у нее какое-то важное и неотложное дело.

Зачем осе такие длинные челюсти?

Черная оса не желает покидать наш бивак. Чем-то он ей приглянулся. Все время крутится возле. Вдруг она мигом заскакивает в кустик терескена. В сухих веточках раздаётся шорох, он усиливается, потом появляется трепещущий клубок, ничего в нем не понять. Черная оса переплелась с большой голубокрылой кобылкой.

Так вот кого она разыскивала и преследовала!

Через несколько мгновений кобылка лежит на боку оглушенная, ее задняя правая нога, розовая изнутри, в деликатных пестринках снаружи, парализована, другая беспомощно взмахивает в воздухе. Все произошло настолько быстро, что никто ничего не смог разглядеть толком.

А оса, возбужденная победой, стремительно выписывает круги, то взлетит в воздух, то сядет. Но вот постепенно ее движения становятся медленнее, она успокаивается, чистит свой блестящий костюм, усы, ноги, челюсти. И только тогда, будто впервые, замечает нас. У осы, оказывается, отличное зрение.

Легкое движение руки, и она вздрагивает, пугается, взлетает. Тогда мы застываем как изваяния. Только моргают веки да движутся глаза за ней — черным комочком, полным силы и неистощимой энергии.

Кобылка же постепенно приходит в себя. Переваливается с боку на бок, шевелит усами, сгибает и разгибает здоровую ногу, а когда черный хищник подбегает к ней, неожиданно подскакивает в воздух и расправляет большие голубые с черным крылья.

Но все напрасно. Оса уже висит на своей добыче, кривые челюсти пронзили кромку крыльев, прихватили брюшко. Здоровая нога кобылки согнута, и ей никак не разогнуть: мешают голова противника.

Но как ловок прием хищника! Одна лишь хватка челюстей — и у такой большой и сильной кобылки скованы крылья и нога.

Вот для чего, оказывается, осе нужны такие кривые и длинные челюсти!

Черное брюшко осы конвульсивно вздрагивает. Вот его кончик нащупал едва заметную впадину у места прикрепления средней ноги к туловищу. Туда вонзается острый кинжал-жало. Еще один удар в грудь, и кобылка нема, глуха, слепа, недвижима, и только мелкое дрожание усиков говорит о том, что жизнь еще не покинула ее тело и оно, умело

отравленное, превратилось в консервы для детки удачливой охотницы-матери.

Проходит несколько минут. Оса быстро бегаёт вокруг кобылки. Ей, видимо, теперь надо рыть норку. Но разбойнику не нравятся посторонние наблюдатели, он замечает наши неосторожные движения. Тогда оса садится верхом на большую кобылку, хватая челюстями её короткие белые усики и, приподнявшись на длинные ноги, быстро тащит прочь свою добычу.

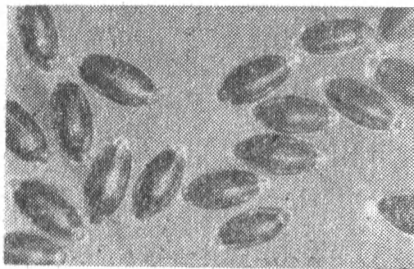
Теперь ясно, зачем осе понадобились длинные ноги!

Красавица-оса нас всех заинтриговала. Интересно бы посмотреть до конца её охоту, проследить ускользнувшие детали да заодно забрать её для коллекции. Быть может, этот вид осы неизвестен науке.

— Не остаться ли нам ещё на день? — предлагает кто-то из нас неуверенным голосом.

— Останемся! — соглашаются все дружно.

Целый долгий день мы вновь страдаем от жары и сухости, бродим по пустыне, приглядываясь к голубокрылым кобылкам, но никому более не удастся увидеть чудесного черного охотника.

Вертячки и рыбы

Среди отвесных глинистых берегов по равнине, поросшей лохом, чингилом и травами, бежит небольшой ручей. Его воды зарождаются отсюда далеко, пожалуй, не менее чем за сотню километров, в высоких ледниках Заилийского Алатау, сбегая бурной горной речкой по каменистому ложу в равнину. Тут река расходится по многочисленным каналам для орошения полей и садов. И только вот этот крохотный ручей стремится вниз, чтобы слиться с желтыми водами реки пустыни — Или.

Я долго шел по тропинке вдоль ручья среди зарослей трав и колючих листьев тростника, изнывая от жары и жажды, и не знал, что он рядом, пока не услышал журчания воды. Здесь ручеек образовал небольшой водопадик и ниже его — озерко. С высокого берега я увидел прозрачную, как стекло, воду и сквозь нее какое-то странное черное дно. Оно слегка колыхалось и меняло свою форму. А на самой поверхности воды сбились кучкой жуки-вертячки. Но вот, такие осторожные, они издали заметили меня и мгновенно заматались. Вместе с ними взметнулось черное дно и превратилось в тысячную стайку мелких рыбок-шиповок.

Я уселся на берегу, замер, застыл. Вертячки сразу успокоились, а рыбы тотчас же улеглись на дно. Неужели поняли беспокойство вертячек как признак опасности? Уж не служат ли у рыб жуки сторожами? Ничего подобного я не знал.

Тогда я подношу сачок к жукам, слегка взмахивая им, и все повторяется сначала: вертячки мечутся, темное пятно взметывается облаком и становится стайкой рыб.

Как бы еще лучше убедиться в предположении?

Осторожно я сгоняю вертячек с озерка вниз по ручью и остаюсь наедине с рыбами. Все они теперь спокойны и не обращают на меня внимания. Лишь камень, брошенный в воду, ненадолго нарушает их покой. Вся большая компания рыб желает спать. Чем-то им здесь хорошо. Только некоторые крутятся у поверхности воды и, высывая круглые ротки, кого-то склевывают.

А над озерком, в тени его отвесных берегов, крутится, беснуется в безудержной пляске рой черных мух. Иногда один из воздушных плясунов, истощив силы, падает в воду. Тотчас же высывается рот колечком, и неудачник отправляется в желудок маленькой рыбы. В природе ничего зря не исчезает и все находит свое испокон веков установившееся назначение.

Иногда водопадик приносит случайно упавшее на воду насекомое. Струйка льющейся воды топит пловцов и направляет их ко дну, к черному бесформенному пятну шиповок, откуда уже нет возврата.

Пока я рассматриваю рой мушек, плывущих насекомых и рыб, вода в ручье постепенно мутнеет, и вскоре все закрывается непроницаемой пеленой. Что-то необычное происходит в ручье. Осторожно иду вверх по течению и вздрагиваю

от неожиданности. Раздается громкий всплеск, шум, отрывистое хрюканье, темный большой зверь пронесится мимо и скрывается в зарослях. В ручейке, оказывается, затеяло купание стадо кабанов.

Солнечные лучи становятся еще жарче. Стихает ветер. Где-то вдали лениво кукует кукушка. Светлеет вода. Рыбки сбиваются плотнее и черным пятном ложатся на дно. Неугомонные вертячки затихают, собираются стайкой, засыпают.

Странные путешественники

Тугай у реки Или стали необыкновенными. Дождливая весна, обилие влаги — и всюду развилась пышная, невиданно богатая растительность. Цветет джида, и волнами аромата напоен воздух. Местами фиолетово-алые цветы джингиля закрывают собой все зеленое. Как костры, горят розовые тамариски. Покрылись, будто белой пеной, изящные джужуны, а на самых сыпучих песках красавица песчаная акация, светлая и прозрачная, оделась в темно-фиолетовое, почти черное убранство. А рядом с тугаями склоны холмов полыхают кроваво-красными маками, светится солнечная пижма. Безумолчно щелкают соловьи, в кустах волнуются за свое короткохвостое потомство сороки. Биение жизни ощущается в каждой былинке, крошечном насекомом.

После жаркой пустыни мы с удовольствием располагаемся под деревьями — какая благодать тут, в тени, рядом со зноем южного солнца! А потом, отдохнув, идем на разведку, на поиски насекомых.

Но поиски неудачны. Насекомых всюду очень мало. Сказались три предыдущих сухих и голодных года. И сейчас не для чего это изобилие цветов, аромата, ярких красок! Кое-где лишь зажужжит пчела, застынет в воздухе муха-бомбилида. Удивительное время буйства растений и малочисленности насекомых! Пройдет год, быть может, два, шестиногие обитатели воспрянут и вновь оживят лик пустыни.

Мне надоело приглядываться. Всюду пусто, и не за что зацепиться взглядом. Вот разве только интересны эти зигзаги на песке. Они очень часты, эти узенькие полоски, протянутые таинственными незнакомцами. Кто бы мог путешествовать, ползая в песке, под самой поверхностью, чтобы не быть заметным врагам и остаться неуязвимым.

Но сколько я не копаюсь, ничего не нахожу и не могу понять, в какую сторону направлялся хозяин следов. Обидно не раскрыть загадки и возвращаться ни с чем к биваку. А они, эти извилистые ходы, на каждом шагу и будто издаются надо мною.

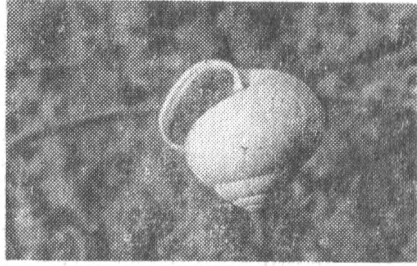
Я утешаю себя: по-видимому, обладатели ходов бродят ночью и мне сейчас их не уследить, а на день спрячутся глубоко. Поэтому перевозу взгляд на расцветенные кусты чингиля, джужгуна, тамариска, слежу за птицами, убеждаю себя, что неудача — мелочь, не стоящая внимания, и почти достигаю цели — таинственные зигзаги забыты.

Но на биваке, у машины, где мы несколько часов тому назад истоптали весь песок, все снова испещрено зигзагами. Их проделали будто в издевку над нами, когда нас не было. Я снова ползаю по песку, пачкаюсь в пыли и опять без толку. Меня жалеют, пытаются помочь. Но никому нет счастья, песок весь изрыт, истоптан, все зигзаги перекопаны безрезультатно.

Тогда я сержусь на себя и усиленно занимаюсь другими делами — привожу в порядок коллекции, записи. На биваке наступает тишина, все разошлись опять по делам. Мучительно вспоминая название одного растения, я случайно гляжу под ноги и вижу легкую струйку песка, вздымающуюся вверх. А впереди этой струйки толчками, с остановками, движется небольшой песчаный бугорок. Сзади бугорка я вижу то, что искал почти весь день, — тонкую извилистую бороздку, тот самый след незнакомца. Он довольно быстро удаляется от меня, приближается к кустику, отходит от него в сторону, прочеркивая зигзаги.

Не переводя дыхания, я смотрю в бинокль с лупками и вижу такие знакомые, торчащие из песка кривые челюсти-сабли личинки муравьиного льва. Она ползет вспять, брюшком вперед, вся в песке, изогнутой вверх головой, взметывая струйками песок, оставляет позади себя дорожку.

Так вот кто ты такой, таинственный незнакомец! Воронки муравьиных львов здесь всюду по пескам тугаев. Этих насекомых миновала беда прошлых лет, и вот теперь они страдают от недостатка добычи. Никто не попадает в их хитроумные ловушки, и, наверное, поэтому голодные личинки так часто меняют места, путешествуют в поисках несуществующих богатых угодий.

Зеленые крышечки

По каменистым осыпям трудно спускаться. Камни шатаются под ногами и съезжают вниз. Надоели каменистые осыпи. А вокруг них крутой склон гор закрыт непролазными зарослями колючего шиповника.

Долог и скучен спуск.

Но вдруг отвлекаюсь. Сбоку осыпи, под кустами, замелькали ярко-белые ракушечки моллюсков. Изящные, с острыми ребрышками, они были очень красивы и, кроме того, разные: и большие, и маленькие, и совсем крохотные, но все одного вида.

Как хорошо, что они встретились! Привезу Леночке, маленькой девочке, дочери соседа.

Леночка очень обрадовалась ракушкам и уложила их всех в маленькую картонную коробку. На следующий день она спросила меня:

— А почему некоторые ракушечки закрыты зеленой крышечкой?

— Какой такой зеленой крышечкой? — удивился я. — Наверное, грязь какая-нибудь пристала.

Еще через день Леночка примчалась ко мне.

— А почему, — спросила она торопливо, — в коробке с ракушками что-то шуршит, копошится?

— Шуршит? Тебе, наверное, показалось. Открой коробку, посмотри.

— А я боюсь!

— Ну тогда посмотрим вместе.

В коробочке же оказалась маленькая чудесная пчелка. Она поводила в стороны длинными усиками, поворачивая головкой с большими черными глазами, и будто спрашивала с недоумением:

— Как я здесь очутилась?

Действительно, как здесь очутилась милая пчелка? Уж не подшутила ли надо мной Леночка?

Пришлось заняться подробным осмотром ракушек. И тогда неожиданно обнаружилась ракушка, закрытая искусно вылепленной зеленой крышечкой. А в другой — зеленая крышечка была взломана, и там внутри раковины виднелись остатки ячейки пчелки. Тогда все вспомнилось, стало понятным.

Есть такие пчелки-ильницы. Они делают ячейки для своих деток в различных укромных местах: ямках, щелках, норках, замазывая вход массой, приготовленной из пережеванных водорослей. Каждый вид пчелок-ильниц готовит ячейки по-своему. И вот, оказывается, есть пчелки-ильницы, которые поселяют своих деток в маленькие пустые белые ракушечки. Чем не отличная квартира!

— Ну, Леночка, что теперь будем делать с пчелкой-ильницей?

— Пусть у нас живет.

— А где же она найдет цветы? Ведь все пчелы собирают с цветов пыльцу и пьют нектар.

— А я ей поставлю букет.

— Ей такие не нужны цветы. Она любит только дикие, горные. Ей еще нужна чистая речка с зелеными водорослями, свежий воздух, пустые ракушечки под кустом, многое что нужно. Трудно будет ей жить в неволе.

— Придется тогда отпустить пчелку на волю, — со вздохом согласилась Леночка.

Маленький овражек

Наверное, потому, что хочется поскорее очутиться в поле, так медленно тянется путь по городу. Красный свет светофоров, кажется, горит дольше положенного, томительно длинна улица, по которой нельзя обгонять впереди идущий автобус, смердящий черным перегаром солярового масла. Но вот все меньше и меньше машин, кончились дома, шоссе обступили сады, исчез задымленный воздух, стало свежо, запахло сохнувшими травами. Вскоре поворот с дороги — и предстоящий путь весь как на ладони, все видно.

По крутым холмам, опоясывающим высокие горы с еловыми лесами и белыми снегами, я вижу три полоски дорог.

Одна, самая правая, темная, слабо заметная, наверное, трудная и малоезженная. Другая светлее всех, и на ее пути далеко три ярких белых пятнышка. Самая левая очень извилиста, местами исчерчена продольными полосками, возможно, размыта овражками. Все три дороги неизвестны, значит, интересны, и я наугад выбираю среднюю, привязываю к рулю мотоцикла резиновую подушку с водой, присоединяю от нее шланг к трубочке с дырочками над мотором, приоткрываю краник. Вода посочилась капельками, теперь можно начинать трудный подъем, мотору не страшен перегрев. Самый крутой склон преодолен, а дальше путь легче.

Проходит еще немного времени, и внизу открылась безбрежная равнина. Ее край не виден. Он теряется в дымке жаркого дня. На ней темными пятнами селения, желтые квадраты созревших посевов хлеба, темные полосы дорог, обсаженные тополями. А у самых ног расстилается город. Сквозь зелень садов, парков и улиц белеют здания и всюду вспыхивают и гаснут яркие отблески: то солнце отражается от стекол движущихся автомобилей.

Над городом угрюмой косматой шапкой повисла коричневая мгла дыма.

Пора дальше продолжать путь. Вот и близко еловые леса, и ледники сверкают на солнце ослепительно и ярко. Изза бугра показываются три больших белых палатки. Здесь расположена колхозная ферма, и вокруг, по тучной траве, бродят коровы.

— Хорошее здесь место, — рассказывает старик бригадир. — Воздух чистый, трава густая, сверху видать все наши поля и дома, человеку благодать и скоту хорошо — слепней мало.

Вот ты скажи нам, — продолжает он разговор, — где только мне не приходилось пасти скот — и в Казачке, и в Каратуруке, и в Рахате, везде мучает слепень. А вот здесь его мало. Совсем почти нет.

Сначала мне кажется, старик что-то путает, быть может, преувеличивает. Вчера из города привезли доильный агрегат, а сегодня, к великому удовольствию всех работников фермы, стрекочет мотор, машина делает доброе дело, у старика отличное настроение, и все кажется ему хорошим. Но где-то в тайниках памяти шевелится догадка и вспыхивает слабая надежда. Неужели сейчас опять произойдет встреча с моими старыми знакомыми, бембексами? Ну что же! Не

беда, что я сегодня не доберусь до еловых лесов и не увижу поближе сверкающие белизной ледники. Бембексы стоят того, чтобы ими заняться. И, оставив мотоцикл возле белых палаток, я иду к коровам.

Животные спокойно пасутся: тихие шорохи, глубокие вздохи, ленивое помахивание хвостами, запах молока. И больше будто нет ничего примечательного.

Нет, есть! Вон там, в стороне, раздается легкий гул крыльев, и рядом, возле коровы, крутится кто-то неугомонный, жужжит, что-то разыскивает. Да это он, бембекс, оса-истребительница слепней, способная охотиться только на них и больше ни на кого другого. Их здесь немало, я вижу уже не менее десятка. Коровы равнодушны к осам, не обращают на них внимания, не отмахиваются хвостами. А слепни? Какие они смиренные, прячутся в траве, а кто на животном, прижался, не шевелится, замер, испугался.

Жалкие трусливые кровопийцы! Где уж им уберечься! Вот резкий бросок — слепень схвачен осой с ноги коровы, оба, хищник и добыча, падают на землю. Ничего не разобрав в траве в копошащемся клубке. Несколько секунд схватки, и слепень недвижим, а удачливый охотник хватает добычу ногами и, прижав ее к брюшку, взлетает в воздух. Черная точка все выше и меньше, потом поворачивает и мчится через овраг в сторону другого продольного холма, растаяла, исчезла...

Странно! Зачем далеко полетел бембекс, что ему там надо, к чему отправляться в дальний путь, неужели нет места здесь, поблизости, чтобы выкопать норку, спрятать в нее кровопийцу и, отложив на него яичко, закончить заботу о детке? Это, наверно, какой-то непутевый бембекс, чужестранец, залетел сюда случайно. Посмотрим, куда направятся другие, где они будут копать свои норки. Но и другие, все до единого охотники, летят с добычей через глубокий овраг, на соседние холмы. Непонятные у ос порядки. Придется разведывать их путь через глубокий овраг. Нелегкая это задача.

По крутым склонам, покрытым травой, скользят ноги, а сердце так бьется, будто мотор на крутом подъеме, и больно ему от тяжелой работы.

Вот и овраг позади и гребень другого холма, вот и та, самая левая дорога, которую я разглядывал снизу. В этом месте дождевые потоки выбрали путь с холмов вниз и про-

мыли по дороге неглубокий, но крутой овражек. Отсюда видны и белые палатки и стадо коров.

Что же мне делать дальше?

Я усаживаюсь в тени большого куста шиповника, жду, когда успокоится сердце, поглядывая на далекую пустыню, на зеленые пятна селений, на тонущий в дыму город.

В воздухе показалась какая-то черная точка и медленно снижается. Это что-то интересное, надо подбежать поближе. Черная точка уже реет над землей и застыла на короткое мгновение на одном месте. Да это он, бембекс, мой милый знакомый, и не один, а с убитым слепнем. Он только что перелетел через глубокий овраг и вот сейчас, наверное, замешкался, будто задумался, ищет, где его норка.

Норка оказалась совсем рядом, и охотник ныряет в нее вместе с добычей. И тогда — какая удача! — я вижу, чего никак не предполагал: всюду на склонах глиняного овражка виднеются норки с кучками выброшенной земли и всюду трудятся неутомимые враги слепней. Кто роет норку, и из нее струйками вылетают мелкие частицы, кто без устали реет над землей, разыскивая место для домика будущей детки, кто сидит на цветах, лакомится нектаром, запасая энергию для предстоящих трудных дел. Все заняты, все деловиты, ни у кого нет и тени безделья.

Я доволен находкой колонии бембексов. Здесь следует провести несколько дней, попытаться подробнее узнать жизнь этих интересных и полезных хищных насекомых. А сейчас пора в обратный путь к мотоциклу, опять через глубокий овраг по крутым и скользким его склонам.

— Вот и раскрыл я вашу загадку, — говорю я старику бригадиру. — Все дело в ручейке от весенних дождей. Из-за ручейка и не мучают вас здесь слепни и коровы спокойно пасутся, не теряют в весе, как в других местах, и дают много молока. Даже, пожалуй, и не в ручейке дело, а в дороге. Она ведь гораздо старше, чем эта, которая ведет к вашим палаткам?

— Да, по той дороге еще на конях ездили в горы за лесом наши отцы и деды, — кивает головой старик. Мое объяснение ему непонятно, не нравится. — При чем тут дороги, ручейки и слепни?

— Как при чем? По дороге обнажилась земля и стала свободнее от трав и дерна. По ней побежали ручейки и вымыли в одном месте узенький овражек. Он как раз напро-

тив фермы, и длина его не более сотни метров. А когда появился овражек, в его рыхлых стенках стало легко рыть норки бембексам, тем самым, которые кружатся возле коров и ловят слепней. Коровы их хорошо знают, не боятся, не отмахиваются хвостами. Они — спасители стада, трудятся все лето без устали, очищают от слепней животных. Мне даже кажется, для них сейчас мало добычи, все давно истреблено, и в их цепкие ноги попадают только те, которые прилетают из других мест: кровососы хорошие летуны и могут далеко путешествовать.

Вот какую пользу приносят никому не ведомые друзья — замечательные осы-бембексы. Только жаль, что им приходится летать с грузом так далеко от фермы, где пасется скот, через овраг на другой холм. А ведь что стоит рядом пройти трактору с канавокопателем и вырыть ров? Специально для охотников за кровопийцами!

Все удивляются тому, что я рассказал, и бембекс, вынутый из морилки, переходит из рук в руки. Никто не думал, что вот он, такой маленький, а делает большое дело. А мне удивительно удачным кажется день, и я соглашаюсь со стариком бригадиром, что это место чудесное и воздух здесь прозрачный, и видны отсюда поля и дома, и трава здесь тучная, и нет слепней, а, главное, живут здесь в небольшом глинистом овражке неутомимые истребители слепней и незримо приносят человеку пользу.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Сто ударов в минуту	3
На такыре	4
Поющая пещера	8
Ревень Максимовича	8
Потайной ход	10
Обследователи	11
Компасное чувство	13
Заблуждение	14
Паучок-строитель	16
Обманщики	18
Муравей-бегунок и муравей-ползунок	20
Потерянная нога	21
Знакомый муравейник	22
Лунка серебристая	24
Куст шиповника	27
Спрятался	29
Сверчок	30
Ущелье Рахат	32
На озере Иссык-Куль	33
Загадочное излучение	35
Мухи-спутницы	37
Под облаками	39

Три горошины	41
Добытчица	43
Дорожные знаки муравьев	44
Таинственный бугор	46
Длинные ноги и длинные челюсти	49
Вертячки и рыбы	51
Странные путешественники	53
Зеленые крышечки	55
Маленький овражек	56

Мариковский П. И.
ЛУНКА СЕРЕБРИСТАЯ.
Рассказы. Очерки.
Алма-Ата, «Жазушы», 1967.
64 с.

Редактор Муханова Н. А.
Художник Жапаров Б.
Худож. редактор Полякова Э. В.
Техн. редактор Вальчук П. Я.
Корректор Островская Р. И.

Сдано в набор 14/ХП—66 г. Изд. № 11.
Подписано к печати 10/ПШ—66 г. УГ00443.
Бумага тип. № 2, $60 \times 84^{1/16} = 4$ печ. л.— 3,72
усл. п. л. (Уч.-изд. 3,53 л.). Тираж 100 000 экз.
Цена 11 коп.

Заказ № 3. Полиграфкомбинат Главполи-
графпрома Государственного комитета Со-
вета Министров КазССР по печати.
Алма-Ата, Пастера, 39.

11 год.